



Полковник Гуров

Николай Леонов

Бог огненной лагуны

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Бог огненной лагуны / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Зловещая закономерность прослеживается в волне пожаров, прокатившихся по России. Горят школы, больницы, дома престарелых, детсады... Полковник Лев Гуров первым заметил эту странную избирательность и даже предсказал дату следующего пожара. Гуров и его друг полковник Станислав Крячко убеждены, что без злой воли маньяка-поджигателя здесь не обошлось. Но преступник с дьявольской ловкостью замечает следы – гибнут свидетели, исчезают улики. И все же шаг за шагом сыщики приближаются к неуловимому «гению огня», но даже их, бывалых оперов, охватывает ужас, когда они наконец видят его...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Леонов, Алексей Макеев

Бог огненной лагуны

Глава 1

Оперуполномоченные по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД полковник милиции Лев Гуров и полковник Станислав Крячко молча стояли на пригорке и смотрели на тлеющие руины того, что совсем недавно было старинным трехэтажным зданием поселка Кукушкино, в котором размещался интернат для инвалидов. Всепожирающее пламя, с яростным гулом, треском и каким-то воющим повизгиванием всего полчаса назад бушевавшее внутри раскаленных им кирпичных стен, под натиском не менее яростных, толстых водяных канатов, вырывающихся из сопел брандспойтов, постепенно смирило свой свирепый нрав и, как раненый зверь, загнанный в клетку, съезжилось и сникло. Не менее десятка пожарных машин стояло полукругом у сгоревшего здания, пожарные в брезентовых робах и защитных касках тащили рукава от уже погасших оконных проемов к тем, откуда еще вырывались чадные языки пламени.

Машины «Скорой помощи» без конца курсировали взад–вперед, увозя обитателей интерната, которым посчастливилось быть вовремя эвакуированными из стен казенного жилища. Несмотря на раннее утро, по периметру пожарища маячили кучки жителей соседних домов. Неподалеку стояла «Волга» местного РОВДа с мигалками. Из-за ближних домов показались два черных лимузина с тонированными стеклами. Они остановились в десятке метров от милицейской машины, и из передней персоналки с трудом выбрался тучный темноволосый мужчина за пятьдесят в черном демисезонном пальто нараспашку.

– Местные «бугры» прикатили, – с долей иронии отметил Стас, чуть приметным кивком указав в его сторону. – Это, я так понял, тутошний «пан голова» и его свита.

К «пану голове», выйдя из второй персоналки, присоединились еще двое столь же габаритных граждан. Эти были одеты в теплые плащи, тоже нараспашку. Глядя на них, можно было подумать, что это некая «фишка» местного чиновничества – ходить на сыром осеннем ветру с не застегнутой верхней одеждой и обязательно без головного убора. Начальство со знающим видом осмотрело пожарище и, что-то указывая друг другу, начало обсуждать происходящее. Было понятно и без слов, что собеседники выдвигают различные варианты причин возгорания. Торопливо шагая по лужайке, развороченной колесами мощных машин, к местному «ареопагу» приблизился милицейский майор и, махнув рукой к фуражке, о чем-то вкратце доложил.

Порасспрашивав майора, «пан голова» обернулся в сторону оперов и, секунду помедлив, поманил их к себе указательным пальцем. По всей видимости, он ожидал, что московские сыщики немедленно кинутся пред его «светлы очи». Но те, словно и не заметив начальственного жеста, продолжали осматривать дгорающий дом и окружающую территорию. «Пан голова» недовольно покривился и что-то неприязненно буркнул майору, кивнув в сторону Гурова и Крячко. Тот, торопливо козырнув, что называется, «на полусогнутых» побежал в их сторону.

– Госпо... товарищи, с вами хочет пообщаться глава администрации района Павел Константинович Фролухин, – чуть суетливо сообщил он, приблизившись к операм.

– Если хочет, пусть подойдет. Мы не против... – пожав плечами и продолжая наблюдать за суетой у пожарища, невозмутимо ответил Гуров.

– Но... Он все же руководитель... Так сказать, хозяин этой округи... – Майор говорил запинаясь, с трудом находя, как ему казалось, нужные слова.

Крячко с нескрываемой иронией посмотрел в его сторону. Полчаса назад, когда они, прибыв сюда, познакомились с майором, тот выглядел куда более молодцевато.

– У хорошего хозяина интернаты не горят, – язвительно заметил Станислав. – Во-первых, чтобы из искры не возгоралось пламя, как следует должна работать пожарная инспекция. А во-вторых, пожарные должны быть на месте пожара в первые несколько минут, а не тогда, когда от дома остались одни головешки.

– Смотри... – Лев указал взглядом в направлении старой пятиэтажки под шиферной крышей метрах в семидесяти от них, слева от пожарища. – Видишь, вон у угла дома стоит очень занятная парочка? Тебе не кажется, что эти ребята тут вовсе не для того, чтобы просто поглазеть или кого-то спасти из огня? Что-то они мне не очень нравятся...

Майор, собиравшийся продолжить свои уговоры, от неожиданности осекся, даже не начав говорить, и тоже повернулся в сторону пятиэтажки.

– А почему этих людей вы считаете подозрительными? – удивленно спросил он у Гурова.

– Боюсь, на объяснения уйдет слишком много времени... – не отрывая взгляда от тех двоих, по виду – типичных бомжей, задумчиво ответил Лев. – Скажем так, интуиция подсказывает. Надо бы их прощупать... У вас под рукой свободных пары человек не найдется?

– Пара... – пренебрежительно хмыкнул майор. – Тут и одного хватит. Ну, так что, я посылаю на задержание своего человека, а вы, может быть, все же подойдете к нашему главе?

– Да, ладно уж, пошли, поговорим с их барином. – Стас вопросительно посмотрел на Гурова. – Пусть пошлет кого-нибудь. А то, чего доброго, эти «любопытательные» возьмут, да смяются.

– Хорошо, давай подойдем... – согласился Гуров. – А вы, майор, поторопитесь – они, вон, уже навострились уходить.

Опера неторопливо направились к явно заждавшемуся их местному начальству, а майор, быстро подойдя к одному из пэпээсников, стоящему в жиденьком оцеплении, отдал короткое распоряжение, указав на сворачивающих за угол дома бомжей. Подойдя к «ареопагу», Гуров сдержанно поздоровался и показал удостоверение. Это же самое, но с ехидцей во взгляде, проделал и Крячко.

– Здравствуйте, господа пинкертон, – платя им той же монетой, ответил и «пан голова». – Мне о вас майор Акимов уже доложил. Я бы хотел уточнить, каковы причины прибытия сюда сыщиков главка? Обычно сотрудникам такого уровня поручают дела особой важности. А тут... Нет, я понимаю, что этот пожар не из рядовых. Все же пятеро погибших и двенадцать с тяжелыми ожогами в реанимации – это серьезные цифры. И тем не менее...

– К сожалению, давать какую-либо информацию о целях и задачах своего визита в интересах следствия мы, в общем-то, не в праве. – Гуров сожалеюще развел руками. – Могу лишь сказать, что пожар с такими последствиями я бы не считал явлением заурядным. Пять человек сгоревших заживо, и еще неизвестно сколько кандидатов в покойники среди тех, кто получил ожоги, – эти цифры впечатляют. К тому же он в вашем городе не первый. В прошлом году, помнится, у вас тут сгорел детский сад. Благо, полыхнул ночью, и обошлось без жертв.

– Ишь ты, они уже и про это знают. Вы видите в происходящем какую-то систему? – сердито засопел Фролухин.

– Я пока не спешу с выводами, но кое-какие уже напрашиваются сами, – чуть заметно усмехнулся Гуров. – Например, у вас неважная система оповещения о чрезвычайных ситуациях – пожарные слишком поздно узнают о том, что где-то что-то горит. Во-вторых, не обеспечены удобные подъездные пути к таким ответственным объектам, как школы, больницы, к этому же интернату... Где это видано, чтобы все свободное пространство загромождали киоски, парковки машин, новостройки каких-то вилл?.. Это тоже слагаемые нынешней и, боюсь, что могу оказаться прав, будущих бед.

– И вы планируете обо всем этом доложить на самом высоком уровне? – помрачнел «пан голова».

– Мне думается, вас это вряд ли может испугать... – с сарказмом обронил Стас. – Благодаря имеющимся у вас «прихватам» можно пережить и куда более серьезную бурю. Кстати, что-то не видать ни Акимова, ни его сотрудника с задержанными.

Фролухин сделал вид, что язвительный демарш сыщика в донельзя потертой кожанке он пропустил мимо ушей. А вот замечание относительно исчезновения Акимова его заинтересовало.

– А что, Акимов решил кого-то арестовать? – повернулся он к Гурову.

– По нашей просьбе он пообещал задержать двух подозрительных граждан, крутившихся невдалеке от пожарища, – глядя на пятиэтажку, за угол которой вслед за пэпээсником пару минут назад свернул майор, ответил Лев.

В этот момент из-за пятиэтажки, что-то крича на ходу и размахивая руками, выбежал майор Акимов. Тут же около дома началась непонятная беготня. К майору подбежали двое пэпээсников с автоматами и, получив от него какие-то распоряжения, опрометью ринулись за дом, на ходу срывая автоматы с плеч. Туда же следом помчалась стоявшая невдалеке машина «Скорой».

– Ой, ой... – Стас стоял, уперев руки в бока и подозрительно глядя на происходящее. – Я так понял, случилось что-то непредвиденное и очень нехорошее.

Утирая со лба капли пота, к ним подошел вконец расстроенный майор Акимов.

– Блин! Эти бомжары сволочные завалили моего сержанта. Кто бы мог подумать?! – возмущенно развел он руками.

– Кто... – зло хохотнул Крячко. – Говорили ж тебе – посылай двоих. Ну, теперь все, упустили подозреваемых. Парень-то хоть живой?

– Жить будет... Возможно. Они в него нож с пяти метров из-за угла всадили, – Акимов обескураженно вздохнул. – Хорошо, лезвие задело пуговицу и вошло в грудь наискосок. А то бы сразу наповал.

– А «бомжары»-то, оказывается, подготовлены на уровне спецназа, – переглянувшись со Стасом, как бы про себя заметил Гуров.

– Да... Ножички метать умеют, – согласился Крячко. – А эти двое с автоматами отправились их преследовать?

– Да. Я отдал команду взять мерзавцев живыми или мертвыми, – горделиво сообщил майор.

– Никого они ни хрена не возьмут, – Лев безнадежно махнул рукой.

– Эт-то почему же? – с вызовом поинтересовался Фролухин.

– Да потому, что те метатели ножей, скорее всего, в данный момент абсолютно ничем не отличаются от нас с вами. Их «прикид» из рванья был не более чем маскировкой. Не удивлюсь, если у них и на лице была маскировка из фальшивой бороды и парика на голове. Избавиться от нее – дело десяти-пятнадцати секунд.

– Мать их, сволочей! – зло выругался Акимов. – Выходит, теперь и от свидетелей никакого толку? А я распорядился опросить всех, кто мог их видеть вблизи...

– И что же теперь делать? – Фролухин смотрел на Гурова теперь уже с затаенным уважением.

– Как можно скорее пустить по следу собаку. – Гуров, к чрезвычайному удивлению Стаса, достал из своего кармана пачку сигарет. – Хотя бы определить, в каком направлении они скрылись.

– Да, да. Это мы сейчас же организуем, – согласился Акимов и, достав из кармана прямоугольный брикет рации, торопливо приказал: – Терешенков? Давай быстро к дому инвалидов кинолога с собакой. Машина есть дежурная? Живо выполняй!

– А как вы считаете, какое отношение эти двое могли иметь к пожару? – Фролухин через плечо посмотрел на закопченные стены, из которых к небу все еще вздымались плотные клубы дыма.

– Думаю, что уже сейчас можно всерьез рассматривать версию поджога как основную. – Гуров стоял, дымя сигаретой и заложив руки в карманы. – А о том, чего ради могли поджечь здание, стоит подумать. На этот земельный участок ранее никто не претендовал?

– Как ни странно, нет. – Фролухин пожал плечами. – Ни одной заявки не было. Хм... А ведь могли поджечь и из-за участка. Могли... Выходит, схему «зачистки» территории от прежних построек здесь решили изменить. Обычно эти дельцы сначала делают заявку, а потом уже поджигают. Паскуды! Сегодня же примем решение не допускать под новую застройку мест пожарищ. Пустим их под скверы, в общем, под зеленую зону. Чтобы впредь не поваживать всяких «пиротехников» долбанных...

Невдалеке раздался гул машины, лихо пискнув тормозами, остановился японский автофургончик с логотипом одной из телекомпаний. С глухим стуком, откинув дверь, из фургончика стремительно выскочили долговязый парень в свитере и джинсах с микрофоном в руке и широкий, плотный крепыш с видеокамерой. С ходу вскинув свой агрегат на плечо, оператор начал снимать обгоревший остов здания, пожарные машины, людскую суету.

– А! Мать их!.. – с остервенелой досадой глядя на телевизионщиков, пробормотал Фролухин. – Принесла нелегая. И откуда только успели узнать?

– Да у них в каждом микрорайоне свои платные информаторы, – со знанием дела пояснил один из его помощников. – Может быть, пока они снимают пожар, нам лучше уехать?

– Ага! Щас! – Фролухин издал короткий саркастический смешок. – Чтобы меня сняли садящимся в машину и прокомментировали, будто я сбежал, испугавшись вопросов? Нет уж, будем беседовать. Как говорится, пришла беда...

Тем временем тележурналист, стоя перед телекамерой на фоне дымящихся стен, что-то быстро прокомментировал в микрофон и решительно направился в сторону команды местных чиновников, разом погрузневших и даже несколько сникших. Следом за ним неотступно шагал с камерой на плече видеооператор. Ничуть не смущаясь хмурым видом районных управленцев, тележурналист лучезарно поздоровался и, направив микрофон с логотипом телекомпании в Фролухина, бойко поинтересовался:

– Что можете сказать о причинах пожара и его последствиях?

– Причины пожара пока устанавливаются, – неспешно, со значением в голосе заговорил тот. – По мнению специалистов, основных версий тут две – короткое замыкание и неосторожное курение в постели. К сожалению, не обошлось без жертв. Их число уточняется.

Уловив краем глаза появление своих подчиненных, устало идущих от пятиэтажки в их сторону, майор Акимов поспешил им навстречу, чтобы те не надумали устроить в присутствии телевизионщиков подробный отчет о безрезультатных поисках агрессивных беглецов. Камера тут же отследила его маневр. Оператор, как бы забыв о Фролухине, все внимание немедленно сосредоточил на майоре, хмуро выслушивающем доклад своих подчиненных. Было ясно, что тележурналисты уловили явную неувязку между нейтрально сглаженным комментарием местного главы и тем, что происходит на самом деле. Несмотря на значительное расстояние и громкий шум, доносящийся со стороны пожарища, до их ушей доносились обрывки доклада. Уловив слова «...скрылись в неизвестном направлении...», тележурналист тут же отреагировал на них вопросом, адресованным Фролухину:

– Судя по докладу сотрудников ППС, они вели преследование преступников, каким-то образом причастных к возникновению пожара?

– Без комментариев. – Фролухин изобразил улыбочку в стиле «а-ля Черчилль». – В интересах следствия данный факт осветить никак не могу.

Но едва он кончил говорить, оператор телеканала нежданно-негаданно сделал ему довольно жесткую «подножку». Поднеся к уху свой мобильный, который оповестил о чем-то желании с ним пообщаться детской песенкой: «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку...» – тот немедленно отдал телефон корреспонденту.

– Павел Константинович, мне сообщили, что несколько минут назад не遠далеке от пансионата был тяжело ранен сотрудник милиции, – тележурналист вернул телефон оператору и с нахальным сарказмом посмотрел на едва не скрежещущего зубами Фролухина. – Это говорит о том, что нельзя исключать и версию поджога?

– Исключать вообще ничего нельзя, – стараясь сохранить величественную невозмутимость (что давалось ему с большим трудом), со значением в голосе парировал «пан голова». – А что касается преследования криминальных элементов, то лучше пусть вам об этом расскажут сотрудники Главного управления уголовного розыска, – Фролухин, сохраняя позу вождя мирового пролетариата, выступающего с броневика, простер длань в сторону оперов.

Глядя в фиолетовый стеклянный глаз телекамеры, Гуров испытывал некоторую внутреннюю напряженность, но внешне был совершенно невозмутим.

– К сожалению, какие-либо подробности сообщить смогу вряд ли. – Гуров чуть развел руками. – Версий причин пожара несколько, нельзя исключать и поджог. Но лучше всего дожидаться результатов экспертизы. Ну а что касается преследования неизвестных, то это действительно имело место. Сотрудник милиции пытался задержать подозрительных людей, но те оказали ему сопротивление и нанесли ранение в грудь.

– А кем бы они могли быть, эти неизвестные? – не убирая микрофона, продолжал напирать телевизионщик.

– Я оперативник, а не ясновидящий. – Лев усмехнулся. – Возможно, потенциальные мародеры...

– А возможно, и поджигатели? – телекорреспондент выжидающе прищурился.

– Без комментариев! – сам того не ожидая, Гуров весьма удачно спародировал Фролухина, вызвав этим довольно заметное оживление среди всех присутствующих, в том числе и свиты «пана головы».

Оператор одобрительно вскинул большой палец свободной руки: мол, приколы – что надо. Даже сам Фролухин изобразил кислую улыбку. Но было заметно, что это все же ощутимо задело его самолюбие. Он посмотрел на часы и, объявив:

– Господа, время вышло, мы опаздываем на планерку! Всем до свидания. Было приятно пообщаться, – быстро зашагал к машине.

– И последний вопрос, – корреспондент все еще рассчитывал выудить из Гурова что-нибудь «эдакое». – За последние полгода по стране прошла целая волна пожаров. Что-то около десятка – не менее. И горели в основном такие же социальные учреждения. Вы не находите, что это уже выходит за рамки случайности и становится какой-то очень нехорошей закономерностью?

– У нас в стране ежедневно случаются десятки пожаров в жилых домах, магазинах, на предприятиях... – Лев выразительно пожал плечами. – Согласитесь, и они, при всей своей случайности, в определенной мере довольно-таки закономерны. Разве не так?

Гуров сознательно лукавил – не так давно он уже и сам пришел к аналогичному выводу. Именно поэтому они и прибыли сюда, в подмосковный поселок Кукушкино, ни свет, ни заря поднятые сообщением из местного райотдела.

...Менее месяца назад, просматривая газеты (еще в институте Лев в какой-то мере освоил скорочтение, что позволяло ему за каких-то полчаса перелопатить ворох периодики), он наткнулся на корреспонденцию о загадочном пожаре в доме престарелых где-то на юге Сибири. Здание, которое незадолго до этого пожарные признали безопасным, среди ночи полыхнуло как свеча. Большую часть стариков прибывшие пожарные и добровольцы из соседних домов

успели спасти, но некоторые из обитателей интерната рассвета уже не увидели. По мнению экспертов, причиной пожара стал невыключенный кипятильник. Однако корреспондент с мнением экспертизы не согласился, поскольку здание загорелось в третьем часу ночи, а дежурная по столовой уверяла, что в одиннадцать она проверяла все помещения, и нигде включенных электроприборов не заметила. К тому же возгорание произошло в помещении, которое было заперто на ключ.

Лев и до этого встречал подобные сообщения. И если ранее такие события воспринимались как обычная статистика чьих-то житейских драм, то теперь он вдруг почувствовал, что между всеми этими как будто бы разрозненными фактами есть какая-то непонятная связь. Он уже с недоверием стал относиться к официальным версиям происшедших пожаров. Чувствовалось, что разгул огня – вовсе не случайность, не просто чья-то халатность, а злая воля каких-то непонятных сил.

Зайдя к своему непосредственному начальнику и одновременно хорошему другу, генерал-лейтенанту Петру Орлову, Гуров поделился своими сомнениями.

– Я не думаю, что экспертизу пожаров проводили неумехи или заведомые фальсификаторы, – закурив из генеральской пачки, протянутой приятелем, размышлял Гуров. – Но у огня есть одно важное свойство – он гарантированно уничтожает большинство улик. И если некто злонамеренный, при этом очень хитрый и коварный, надумает поджечь тот или иной объект, он ведь постарается все обставить так, чтобы любая экспертиза пришла к однозначному выводу – загорелось по любой другой причине, только не в результате поджога.

– Но это всего лишь твои подозрения. – Петр побарабанил пальцами по столу. – Конечно, в логике тебе не откажешь, однако нужны хоть какие-то реальные факты. И вообще, что в данном случае ты хочешь предложить? Чтобы я поручил тебе расследование всех этих случаев?

– Ну-у-у, знаешь! – Лев рассмеялся. – Размечтался, однако... Тебе мой принцип, я думаю, хорошо известен – на службу не напрашиваться. И так головной боли предостаточно. Одно только расследование убийства зама губернатора чего стоит... Просто пришла в голову свежая мысль. Вот и захотелось ею поделиться. Ну а если бы ты вдруг сам заметил что-то наподобие, ты бы что, промолчал, не сказал бы об этом никому?

– Ладно, будем считать, что я принял это к сведению. – Орлов потушил окурок в пепельнице. – Подумаем, прикинем, в случае чего, решим, как тут быть.

– Кстати, есть еще один момент. – Лев сделал секундную паузу. – Не знаю, насколько верны мои наблюдения, но если в конце этой недели опять загорится что-нибудь из социалки, то... Можем считать, что действительно имеем дело с некими маниакально настроенными пироманами.

– А почему именно в конце этой недели? – Петр выжидающе воззрился на Гурова.

– Пусть пока что это останется моим секретом? Знаешь, не хочется выглядеть дураком, если вдруг окажется, что я ошибся.

Несколько дней спустя телефон на столе Гурова буквально взорвался истошным звоном. Стас, укладывавший в шкаф какие-то свои бумаги, едва не уронил на пол штабель скоросшивателей.

– Мать его, этот телефон! – нервно оглянувшись, сердито буркнул Крячко. – Сколько раз говорил, чтобы громкость звонка убавили?

Гуров в это время заканчивал отчет по успешно проведенному им расследованию убийства заместителя губернатора одной из центральных областей. Чиновника убил не киллер по заказу недругов и завистников, на чем настаивало руководство партии, в которой тот состоял на первых ролях, а его же собственная любовница, которую усопший надумал заменить на более молодую. Лев снисходительно улыбнулся и поднял трубку. Не далее как два дня назад тот же Станислав Крячко самолично перевел телефоны на повышенную громкость, мотивировав это тем, что «...звонят по важному делу – хрен услышишь, как они по-комариному пиликают!».

Как Гуров и догадался, звонил Петр.

– Лева, ты был прав на все сто. Мне только что позвонили из МЧС – опять пожар. В общем, зайди ко мне, поговорим.

– Ну-ка, ну-ка, что там стряслось? – Стас захлопнул дверцы шкафа и обернулся к Гурову.

– Где-то что-то загорелось... – с показным безразличием ответил Лев, направляясь к выходу.

Петр восседал за столом хмурый и озадаченный.

– Мать их так, уродов этих! – досадливо провозгласил он, увидев Гурова. – Теперь и сам вижу – дело тут нечисто. Кто-то, не пойму для чего, специально устраивает эти пожары. И ведь посмотри, какая география – Приморье, Якутия, Алтай, Урал... Просто, какая-то злостная целенаправленность. Только, на что?

– Да эти пироманы могут поджигать и без особых целей. Просто в порядке развлечения. У отморожков свои представления о том, что нравственно, а что безнравственно. На сей раз загорелось-то где?

– В Волго-Вятском регионе... Есть такой райцентр – Демьяновск, там есть... вернее, теперь уже был, интернат для детей– инвалидов, или, как это называют сейчас, детей с ограниченными возможностями. Загорелся среди ночи. Хорошо, пожарная часть неподалеку, да и персонал оказался на высоте. Детей эвакуировали, а вот от здания осталась одна коробка. Кстати, что там за момент в прошлый раз ты имел в виду?

– Ты когда на календарь смотришь, что там замечаешь?

– Ну, как что? Дату, день недели, долготу дня... А что еще там можно заметить? Какие-нибудь праздники?

– Нет, фазы луны. Я как-то случайно обратил внимание, что пожары происходят или в дни полнолуния, или во время новолуния. Сегодня у нас как раз последний день новолуния.

– И как это может быть связано? Ты предполагаешь, что эти поджоги носят некий ритуальный характер?

– Вот именно. Но, может быть, кто-то и рассчитывает, что мы подумаем именно так.

– Тогда каков вообще смысл поджогов? – на лице Петра было написано крайнее недоумение.

– Мне это пока что совершенно непонятно. – Гуров встал и прошелся по кабинету. – Тут предполагать можно все, что угодно. Начиная от обычного скотства, как того же Оноприенко, который задался целью совершить на территории Украины цепь убийств, чтобы та на карте имела форму звезды, до терроризма с политическим подтекстом. Сам же видишь – худо-бедно, в Чечне постепенно все затихло, других горячих точек не появляется. Кое-кому, я так думаю, из-за этого плохо спится.

– Мысль резонная. – Орлов устало вздохнул. – Ну что, с замом губернатора закончил? Его пассия уже дала чистосердечное?

– Да, с этим вроде все. Почти все точки уже расставлены... – догадываясь, куда клонит Петр, усмехнулся Гуров.

– Вот и замечательно! – Орлов удовлетворенно потер руками. – Ну тогда, Лева, берись-ка ты за эту головоломку. А что? Ты автор догадки – тебе и колоть этот «орешек». Как смотришь на такой вариант?

– Как загнанная лошадь на предложение поучаствовать в дерби, – Гуров слегка поморщился. – Ну, друг, спасибо! Ну, умаслил!.. Это что же получается, я сам себе хомут подгадал?

– Подгадал... – Орлов посмотрел на него с явной укоризной. – Тут не «подгадал», а интересы дела требуют. Я, между прочим, не с кондачка предложил тебе заняться расследованием. После того разговора я поручил информационно-аналитическому отделу изучить материалы всех таких вот случаев возгораний. И что же ты думаешь? Они в один голос заявили, что действительно во всем этом сквозит элемент преднамеренности. Но, учитывая достаточно высо-

кий уровень исполнения поджогов, этим занимаются вовсе не дураки. А тут еще из министерства минут десять назад дали цеу: провести расследование и найти виновных.

– А наши-то верхи с чего вдруг воспылали интересом к этим пожарам?

– К ним со слезной просьбой обратились из минсоца. Там почуяли, что дело для них пахнет керосином, что, того гляди, начнутся «разборы полетов» и отставки, поэтому решили ударить челом нашему шефу. Так что тут, как ни крути, а кроме тебя, Лева, мне на это направление бросить больше некого.

– Ладно... Но только тут такой момент – ездить придется очень и очень много. Надо бы еще пару ног – на одних своих не набегаюсь.

– Понял... Хорошо, работаете вместе со Стасом. – Петр решительно махнул рукой. – Скажи ему, пусть передает свою незавершенку... э-э-э... Кому бы? Да хрен с ней, сейчас придумаю, кому перепоручить. Все равно он основное уже раскрутил, остались кое-какие детали.

Когда Гуров вернулся в кабинет, Стас с кем-то оживленно беседовал по телефону. Уловив на его лице некоторую лиричность и задумчивую мечтательность, Лев сразу же понял, что у его приятеля на горизонте снова замаячила очередная «увлечуха». Впрочем, при появлении Гурова выражение лица и голос Стаса изменились радикально. Его брови сошлись на переносице, как грозовые тучи, из глаз сверкнули молнии, а голос зарокотал как раскаты грома.

– Обо всем, что покажется подозрительным, докладывать мне немедленно! – сурово закончил он и важно положил трубку.

– Что ж не добавил «целую»? – чуть скучающим голосом поинтересовался Лев, хотя чувствовалось, что он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

– При чем тут «целую»? – с деланным возмущением вскинулся Крячко. – Ты же Амбару такое не говоришь?!

– Разумеется... – Гуров продолжал сохранять наисерьезнейшее выражение лица. – Но при чем тут Амбар? Ведь ты же общался, воспользуясь аналогией, не с каким-нибудь «Чуланом», а с некой молоденькой, симпатичной «Шкатулочкой». Разве не так?

– Да, общался!... – свирепо согласился Стас. – Но исключительно по служебным делам. Это мой новый агент, кодовое наименование «Киска».

– Верю, верю, служебно-разыскной ты наш котик! – не выдержав, Гуров рассмеялся. – Ох, Стас! Ну, кого ты хочешь провести? Ладно, хватит дуться. Хоть уж расскажи, кто она, чем занимается...

– Она историчка, преподает в университете... – разом остыв, чуть конфузливо поведал Крячко. – Позавчера уже поздно вечером ехал по делам, она проголосовала на Кутузовском. Ну, решил помочь человеку... Сам пойми – уже ночь, а молодая симпатичная женщина ловит попутную или такси. Ну, я и подумал: а вдруг сядет к какому-нибудь подонку? Где ее тогда будут искать?

– Правильно, Стас! Молодец. – Гуров одобрительно подмигнул. – Именно так и должен поступать настоящий пионер. Но, смею догадаться, проводы молодой, симпатичной незнакомки несколько затянулись. Скажем, до следующего утра...

– Да, Лева, проводы затянулись. – Стас картинно развел руками. – Так вышло... Зашли к ней на кофе, и оказалось, что у нее барахлит розетка. Когда починил розетку, обнаружил, что не фурыкает и сам кофейник...

– И ты ночь напролет все чинил и чинил почившую бытовую технику. – Гуров сочувственно вздохнул. – А на куда более интересное времени совсем не осталось...

– Осталось... – зажмурясь, Стас с хрустом потянулся. – Еще как осталось-то! Но тебе об этом что рассказывать? О женщинах мы с тобой говорим на разных языках. Ты лучше скажи, что хорошего услышал от Петра? Небось опять подкинул клевую, непыльную работенку?

– И не мне одному. – Гуров улыбнулся, заметив на лице Стаса тревожную мину. – Да, представь себе, ты тоже в числе «счастливиц». Сегодня же передаешь дело кому-то из

молодых, а сам активно включаешься в розыск неких таинственных поджигателей, которые за последние полгода пустили «красного петуха» по меньшей мере в семи местах. Причем поджигают эти мерзавцы интернаты, где живут и без того обездоленные люди – сироты, старики, инвалиды...

– Ну, ладно, убедил. – Стас безнадежно махнул рукой. – А я рассчитывал, что на выходные с Катей съездим к ней на дачу... Гм-гм... Да, ее Катей зовут. Ну вот, а теперь какие могут быть дела сердечные? Опять полезай в хомут...

Новый «хомут» ожидался не из легких и не из простых. Прежде всего полностью отсутствовала хоть какая-то доказательная база того, что пожары – следствие целенаправленных поджогов, а не воля случая. Одно только обследование мест происшествий, разбросанных по всей России, могло занять не одну неделю. А официальные данные, которые на местах собирались, зачастую с прицелом на подтверждение непреднамеренности пожаров, едва ли могли дать какие-то реальные зацепки.

Глава 2

И вот он, по сути спрогнозированный Гуровым, пожар в Волго-Вятском регионе. Лев и Стас тем же днем вылетели из Домодедова на стремительном «Як-42» и уже ближе к вечеру, проехав не один десяток километров на нанятом такси, были в Демьяновске у обгорелых руин интерната. Здесь, как и в Москве, осень еще не ощущалась, но было заметно прохладнее. На дороге поблескивали лужицы после недавнего дождя. Опера внимательно осмотрели пожарище, а затем заехали в местную пожарную охрану. В ходе разговора с ее сотрудниками и руководством они выяснили, что причиной пожара стало короткое замыкание электропроводки. Опера с этой версией в целом согласились, что – да, возможно, электропроводка и подкачала. Но было совершенно неясно: сама ли она коротнула или ей в этом кто-то умело подсобил?

На этот вопрос не смогли ответить ни пожарные, ни местная милиция, ни прокуратура. Начальник местной МОБ, совсем недавно назначенный на эту должность плотненький, кругленький старлей, объявил, что и тамошним участковым, и угрозыском проведено полное расследование обстоятельств, приведших к пожару. Но ничего такого, что говорило бы о чьем-то злом умысле, выявлено не было. Ничего конкретного не смогли сообщить и в прокуратуре, по случаю предвечернего времени уже почти опустевшей. В районную администрацию приятели решили не ходить – учитывая услышанное в предыдущих конторах, там едва ли могли добавить хоть что-то существенное. Без каких-либо осложнений, сняв два места в старинной одноэтажной гостинице, где постояльцев было раз-два и обчелся, они отправились к новому месту жительства погорельцев – воспитанников интерната. Детей разместили частично в детской районной больнице, частично в пригородном детском пансионате, бывшем пионерлагере.

У входа в больничный корпус их встретил молоденький милиционер, судя по всему, приставленный «для порядка». Узнав, кто и зачем пришел, он проводил оперов к старшей воспитательнице, которая уже собиралась уходить домой. Ею оказалась молодая, очень даже недурная собой особа, которая представилась как Наташа.

– Вы насчет пожара? – удивилась она. – Из самой Москвы? О-о-о!.. Смотри-ка! Хотите расследовать его причины?

– Да, уточнить – отчего же надумала загореться проводка, – пояснил Гуров. – У вас ее когда меняли последний раз?

– Давно... Как бы не лет пятнадцать назад... – Наташа задумалась. – Да, не меньше того. Так что, не новая. Вон, на днях ее даже проверял электрик из городских электросетей.

– Стоп! – чуть ли не хором воскликнули Гуров и Крячко, услышав о визите в интернат неизвестного электрика. – Что за электрик? Как он выглядел? – опера засыпали вопросами вконец растерявшуюся женщину, вовсе не ожидавшую такого напора по, как ей казалось, мало-значашему поводу.

– Ой, я вам даже и не скажу. Его водил по зданию наш завхоз... – Наташа развела руками. – А был этот электрик как раз накануне пожара. Я из-за этого про него почти и забыла – тут был такой переполох, все так переживали...

– Где найти завхоза? – почувствовав, что наконец-то появилась возможность ухватить конец неуловимой ниточки, ведущей к реальным виновникам пожара, быстро спросил Гуров.

– Он сейчас должен быть дома, – женщина пожала плечами. – У нас больше половины сотрудников осталось без работы – и повара, и уборщицы, и вахтеры...

– Кстати, – Стас вскинул указательный палец, – кто из вахтеров дежурил в день визита электрика?

– Сейчас припомню... Значит, в ночь заступил Сабраев, а перед ним дежурил Дементьев. Да, да, точно – Дементьев.

– Их домашние адреса помните? – Лев посмотрел в окно, уже затянутое густыми вечерними сумерками. – Заодно и вашего директора.

– Помню, – кивнула Наташа. – Завхоз, его фамилия Калинин, живет здесь неподалеку, по улице Чапаева, дом тридцать. У него старенький кирпичный особнячок. А Дементьев живет дальше и в другой стороне. У нас этот район называется Лопуховкой. Там есть улица Свободы, дом шесть, квартира семнадцать. Там с десяток многоквартирных двухэтажек. Кстати, я сейчас иду домой в ту сторону, если хотите, могу показать. А что касается директора, то его сейчас здесь нет. Сегодня утром он срочно уехал к сыну – тот вроде бы тяжело заболел.

– Ну что, я иду к Дементьеву? – предложил Крячко, выжидающе глядя на Гурова.

– Давай, тогда я пошел к Калининскому, – согласился Лев, едва сдержав улыбку – его приятель и здесь остался верен себе.

Выйдя на вечернюю улицу, Гуров зашагал в направлении, указанном ему Наташей. Обходя лужи меж заборов, за которыми светили окнами типично деревенские дома, Гуров внимательно всматривался в номера, где прибитые к углам домов, где написанные краской прямо на калитках. То здесь, то там по переулкам с криками и смехом бегали компании ребятишек, играющих то ли в чиж, то ли в лапту. Почуввав чужака, дворовые собаки подняли истошный лай по всей улице. Прохожие с интересом смотрели на Льва – было похоже, что здесь в большинстве своем люди своих, местных, худо-бедно знали.

Миновав дом с цифрой 28, Гуров подошел к следующему, у калитки которого на лавочке сидели три женщины и о чем-то тихо переговаривались. Увидев их, Лев неожиданно почувствовал, что его сейчас ждет какое-то неприятное известие. Он поздоровался с женщинами и показал свое удостоверение, на которое те лишь мельком взглянули. На его вопрос, дома ли хозяин, одна из них, горестно вздыхая, сообщила, что не далее как три часа назад его сбила неизвестно чья легковая машина, которая сразу же скрылась.

– В область его увезли, Колю-то... Спина у него сильно поврежденная. Каб не перелом... В нашей-то, районной, таких лечить не берутся, – завершила она свой рассказ.

– А как же это могло произойти?

– Да он вроде бы пошел к свояку, – пояснила женщина. – Тот вон в той стороне живет, за шоссе. И вот только стал он дорогу переходить, а тут откуда ни возьмись машина легковая. И прямо на него. Он-то вроде бы в сторону хотел отскочить, да не успел – крепко его ударили боком машины, он под грейдер аж укатился.

– А что, это кто-то видел?

– Да люди ж там тоже живут. Увидели, подбежали, вызвали «Скорую». На ней его в область и увезли. Хоть бы уж калеккой не остался. А то у Зойки и самой-то со здоровьем не ладится, а тут еще и мужик будет сиднем сидеть.

– Зоя – это его жена?

– Да, супружница евонная. Мы-то вот сестры, на хозяйстве вместо них остались. А Зоя с Колей уехала. Там же за им ухаживать надо будет – уж если у нас, в районной больнице, не хватает горшконосов, то там, в области, и подавно.

– А как бы мне повидаться с теми людьми, которые видели, как машина сбила Николая?

– Да вот пусть Поля вас проводит, – женщина кивнула в сторону той, что выглядела помоложе. – Тут недалеко.

Минут через десять Гуров и Полина, пройдя через череду проулков, вышли к шоссе, по которому несколько часов назад опера проезжали на автобусе в сторону местной автобусной станции. По обеим сторонам шоссе тянулись ряды обычных деревенских домов. Полина, выйдя на дорогу, показала Гурову, где именно сбили ее брата. Несмотря на густые вечерние сумерки, на сером, растресканном асфальте были заметны темные пятна крови.

Затем они подошли к одному из ближних домов, окруженному высоким дощатым забором. На стук Полины в окно из дома вышла женщина лет сорока, одетая в старую болоньевую куртку и резиновые галоши, надетые поверх шерстяных носков.

– Ой, извините!.. – засмузилась та, увидев незнакомого человека. – Только что кончила убираться со скотиной, переодеться еще не успела... Я думала, ко мне одна Поля пришла по своему делу.

– Шур, это вот из милиции, из московской, он насчет пожара приехал. Хотел с Колей поговорить, а с ним вишь что приключилось. Ты Расскажи человеку, чего видела-то...

– Да что видала? Видала только напоследок, когда Николай кинулся на обочину, а машина в его сторону вильнула и боком как ахнет! Он и покатился под откос. Я уж думала, что насмерть убили. А подошла – нет, еще дышит, только лежит без сознания. Ну, уж тогда сразу вызвали «Скорую»...

– Вы хотите сказать, что машина сбила его не случайно, а преднамеренно?

– Преднамеренно, преднамеренно!.. – закивала Шура. – Он же увертывался, а она аж на другую сторону дороги перескочила. И сразу же куда-то умчалась.

– А машина эта какой марки? Хотя бы какого цвета? Не запомнили?

– Да я в машинах не разбираюсь... Такая она, обыкновенная. А цвета темно-зеленого, почти черного. И окна зачерненные, ничего через них не видно.

– Милиция приезжала?

– А то как же! Правда, Николая уже успели увезти. А так, приехали, бумагу составили, я расписалась...

– А кто-нибудь, кроме вас, это видел?

– Да вроде бы и нет... – Шура пожала плечами. – Сбежалось-то потом много народу, да вот тех, кто видел, считай, и не нашлось...

Возвращаясь в гостиницу, Гуров напряженно вспоминал каждую мелочь, замеченную им в тот момент, когда они подъезжали к Демьяновску. Вот они едут по трассе... У обочины стоит белая «четверка» с откинутым капотом. Хозяин копается в моторе. У самой околицы через дорогу идет стадо коров, автобус останавливается, сигналист. Вот их обгоняет какой-то шальной мотоциклист, который, оставив за собой длинный шлейф синего дыма, уходит куда-то за поворот. Потом... Стоп! Вернемся к коровам. Вот они, перейдя дорогу, двумя живыми ручьями обтекают темно-зеленую «семерку» с тонированными стеклами, стоящую на боковом съезде... Точно! Это была «семерка». Жаль только, что из-за коров он совершенно не видел ее номера.

«Утром надо будет выяснить, велись ли поиски этой машины и каковы их результаты. Хотя... Кому здесь что нужно? Спишут на несчастный случай, сдадут в архив – и дело с концом. Надо будет выяснить, что с Калинским – жив ли, может ли хоть что-то рассказать?..»

Когда он, вернувшись в гостиницу, зашел в свою комнату, Стас уже сидел перед стареньким черно-белым телевизором, без явного интереса созерцая перипетии очередного безликого сериала.

– Ты вернулся? – Гуров стоял в дверях номера, удивленно глядя на своего приятеля. – А я было подумал, что до утра тебя увидеть уже не удастся.

– А с чего б это мне не возвращаться? – Крячко посмотрел на него с горделивым вызовом.

– Да мне так показалось, Наташа тебя уж очень впечатлила. Или я ошибаюсь? Ну, признайся, что ухаживать за ней пытался, но что-то не сложилось.

– Сложится тут!.. У нее муж и трое детей. Кстати, ты знаешь, сколько ей лет? Уже под сорок. А выглядит максимум лет на двадцать пять. Вот что значит здоровое деревенское житье. – Стас завистливо вздохнул. – А женщина она – м-м-м... Мечта!

– Не судьба... – Лев с ироничным сочувствием покачал головой. – Ну, ладно, об изюминках закончили, поговорим об иных «фруктах». Что там наш Дементьев?

– С жуткого бодуна. Пьет, паразит, беспробудно. Как его только держали на работе? Только лишь узнал, зачем я пришел, начал вымогать на опохмелку. А то, мол, двух слов связать не сможет. Ну, дал я ему на бутылку бормотухи – там неподалеку от него какая-то бабка торгует. Он сбегал, хлебнул. Вроде и в самом деле начал говорить. Правда, совсем не то, что нужно. Начал объяснять мне, за что ненавидит нынешнюю жизнь.

– Ну, учитывая то, как они здесь живут, это и неудивительно. – Гуров понимающе усмехнулся.

– Да у него случай особый... – Стас досадливо поморщился. – Он вроде бы раньше почти совсем не пил. Ну а лет десять назад его сын вернулся из армии полным инвалидом. Года два покатался на инвалидной коляске по поселку, а потом как-то осенью сам с моста прямо на ней свалился в речку. Вытащить не успели... А дочка поехала в Москву поступать в университет и пропала без вести. Вот он после этого к бутылке и начал прикладываться почти ежедневно. А потом и вовсе пошло-поехало.

– Конечно, жаль мужика, но я так понял, больше ничего тебе выяснить не удалось.

– Почему? Кое-что он все же порассказал... Правда, вначале, когда узнал, что я из Москвы, говорить вообще ни о чем не хотел. Чего он ей только не нажелал: и Тунгусского метеорита, и чуму, и проказу. Но потихоньку разговорился. В общем, хоть он и был в тот день подпитой, электрика все же разглядел. По его словам, мужик этот ему незнаком, хотя в Демьяновске большинство населения хотя бы мельком, но знает. Да тут всего-то тысяч восемь-десять человек. Роста этот электрик среднего, лет за тридцать, на лице рыжие усы и борода, такая, скандинавская – «рамкой». Одет был в джинсовый костюм, на голове джинсовая кепка, из-под нее торчали рыжие волосы. В целом лица не запомнил, но мог бы при случае опознать.

– Понятно... – Гуров отсутствующим взглядом смотрел на экран телевизора. – Информации, считай, никакой. Ну а мне с завхозом Калининским поговорить не удалось по причине его отсутствия. В данный момент он в реанимации областной больницы. Где-то около четырех часов дня его сбила, причем, преднамеренно, темно-зеленая «семерка». Которую, кстати, мы видели, подъезжая к поселку двумя часами ранее.

– Охренеть! – Стас даже привстал с дивана. – И каковы же обстоятельства этого ДТП?

Выслушав повествование Льва, Крячко некоторое время задумчиво молчал.

– Ты считаешь, завхоза кто-то хотел убрать как опасного свидетеля? – наконец поинтересовался он.

– Пока не уверен. Хотя в пользу этой версии говорит многое. Если считать, что Калининский и в самом деле каким-то образом узнал что-то очень важное, то его могли убрать люди, причастные к пожару в интернате. Но с выводами спешить ни к чему. Завтра нужно будет созвониться с областной больницей, узнать, что там с Калининским. Если он в сознании, то съездить к нему и поговорить. Здесь, думаю, с Дементьевым проведем опознание персонала городских электросетей. Вдруг увидит что-то знакомое? И с земельщиками надо бы побеседовать – не претендовал ли кто на тот участок, где стоял интернат.

Ночь для оперов прошла беспокойно. Где-то за полночь в соседних дворах по непонятной причине вдруг началась собачья «перекличка». Сначала с подвыванием начинал лаять какой-то, судя по басу, крупный волкодав. За ним «эстафету» визгливо подхватывала дворняга, следом за которой глухо подхрипывал непонятной породы «ветеран» дворовой службы. Потом все начиналось сначала...

Стас, исходя желчью, ворочался под пахнущим карболкой одеялом, мысленно призывая на головы собачьих «манифестантов» все кары небесные. Лев, напротив, спал очень спокойно, лишь раз проснувшись, он пробормотал что-то наподобие:

– Вот глотки луженые! – и, повернувшись на другой бок, снова уснул.

Стас, который успел отоспаться сначала в самолете, а затем еще и в автобусе, слушая его размеренное дыхание, лишь завистливо вздохнул. Однако, словно вняв его мысленным при-

зывам к тишине, собаки постепенно утомнились. С наслаждением смежив веки, Станислав наконец-то снова медленно погрузился в сон. Однако этой ночью пересмотреть все положенные сны он так и не смог.

Часу в пятом утра в коридоре гостиницы раздался грубый топот и чей-то пропитой голос заорал, сопровождая свои вопли громким стуком в дверь:

– Девочки! Открывайте! Это я пришел! Открывайте по-хорошему, а то ща дверь с петель снесу!..

Крячко в ярости вскочил с постели, запоздало сообразив, что стучатся не к ним, а в дверь напротив. Он сел на кровати, свесив ноги и протирая кулаками заспанные глаза. «Что за порядки?! – недоумевал он. – Где вахтерша, почему она пропустила неизвестно кого в гостиницу?» И тут он вспомнил, что дежурная, она же и горничная, и уборщица, и еще неизвестно кто, вчера мимоходом предупредила, что ночью ее на месте не будет. У нее заболела свекровь, и ей придется подежурить у постели больной.

А горлопан продолжал бузить, уже всерьез начиная ломиться в комнату напротив. Гуров тоже проснулся и, приподняв голову над подушкой, прислушивался к происходящему. В это время из-за двери приглушенно слышались возмущенные женские голоса. Женщины кричали, что сейчас вызовут милицию, на что непрошенный «ухажер» отвечал тупым, бессмысленным гоготом. Через шум и крики слышался голос еще одного визитера:

– Ну чё, не пускают? Ничего, и не таких обламывали. Ишь ты, недотроги выискались!

– Мать вашу, козлы тупорылые! – быстро надев брюки и туфли, Стас подошел к двери и, выглянув в коридор, сердито предложил: – Эй, может, свалите отсюда? Достали, блин!

Обернувшись к нему, двухметровый верзила недовольно скривился и, сплюнув на пол, презрительно изрек:

– Исчезни, чмо! А то я ща тебя самого раком поставлю. Чё, не понял?

Это уже выходило за всякие рамки. Вскипев, Стас распахнул дверь и, быстро взявшись руками за верхний дверной косяк, резко выбросил ноги вверх и вперед, нанеся мощный удар обеими ногами в голову бузотера. Верзила, издав какое-то бульканье, распластался по двери комнаты напротив и медленно сполз по ней на пол.

– Сука! Падло! Кровь пушу! – заверещал второй, ростом пониже, выхватив длинный острый нож.

Но всего мгновение спустя он его выронил из-за дикой, нестерпимой боли, пронзившей всю руку, после того как она оказалась в живых тисках, выкрутивших ее чуть ли не на полный оборот. Его вопль заглушил сухой, страшный хруст и треск связок и сухожилий. Но тут одним прыжком на ноги поднялся верзила, сжимая в руке увесистую свинчатку. Стас лишь краем глаза успел заметить его вскинутую руку. Однако ее тут же перехватил Гуров. Лев рванул захваченную руку по спирали в сторону и вниз, заставив верзилу нагнуться, после чего нанес коленом удар в правый подвздох и довершил ударом ребра ладони по основанию шеи.

– Ну и куда теперь эту свистобрацию? – припечатав к стене второго хулигана, свирепо прорычал Стас. – В отделение?

– Да, наверное, туда.

Гуров подошел к старому, обмотанному изолентой телефону и набрал «02». Ждать ответа пришлось довольно долго. Наконец в трубке раздался заспанный голос:

– Ну кому там приспичило? Чего названиваешь?

– Тебе названивает полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска МВД, – вслед за Стасом тоже невольно начиная закипать, очень жестко ответил Лев. – Я нахожусь в гостинице. Только что нами, мною и полковником Крячко, были задержаны два злостных хулигана. Будьте добры прислать наряд и забрать их в отделение.

– Ты чё там несешь? Какой полковник? Хватит дурочку гнать! А то смотри, ща приеду, сам пойдешь в подвал. Понял?

– Значит, так. Даю тебе пять минут. Если через это время здесь не будет дежурного наряда, ты в лучшем случае вылетишь с работы. В худшем – пойдешь под суд. Дошло? Или как для особо тупого повторить еще раз?

– Это мы ща разберемся, кто из нас тупой! – возопил дежурный, со стуком бросив трубку.

Через несколько минут около гостиницы раздалось фырчание мотора и громкий писк тормозов. В дверь вальяжно ввалился толстый старший лейтенант лет сорока с гаком, в расстегнутом кителе и фуражке набекрень. Следом вошли двое сержантов с автоматами.

– Ну, и кто тут из вас тот шибко вумный полковник? Ты, что ли? – он неприязненно мотнул головой в сторону Гурова. – Обоих задержать до выяснения! – скомандовал он сержантам.

– Сан Саныч, вы что?! Это и в самом деле полковники из Москвы! – ошарашенно прошептал ему на ухо один из сержантов. – Я их вчера у Павла Федоровича видел...

– Да?! – старлей на глазах из важного и грозного обратился в растерянного и угодливого. – И... извините, товарищи... Ошибочка вышла. Тут у нас по ночам, бывает, телефонные хулиганы безобразничают, вот я и подумал... А этих мы сейчас заберем, заберем...

Сержанты вывели из гостиницы верзилу и его приятеля, а старлей шел следом, рассыпаясь в любезностях в адрес столичных гостей.

– Похоже, он старлеем и помрет, – саркастично усмехнулся Крячко, когда за тем закрылась дверь. – Беда, если на плечах по форме – голова, а по содержанию – задница.

В этот момент осторожно приоткрылась дверь, в которую совсем недавно ломились непрощенные гости. Из-за нее выглянула молодая женщина в косынке, через которую проступали закрученные на ночь бигуди.

– Ой, большущее вам спасибо! – вымученно улыбнулась она. – Если бы не вы, даже не знаю, что бы с нами было. Вы здесь со вчерашнего вечера?

– Да, мы только вчера приехали. Правда, ненадолго – сегодня, скорее всего, уезжаем, – оценивающе окинув взглядом соседку по гостинице, сообщил Станислав.

– Жаль... – сокрушенно вздохнула та. – Нам тут еще неделю обретаться. Мы тут всего два дня, но местным «гостеприимством» уже сыты по горло. Хоть собирай чемоданы и беги. Прошлой ночью было то же самое. Хорошо еще, тетя Валя была здесь, шум подняла, кое-как выгнала этих пьянчуг. Нам рассказывали, – женщина перешла на полусшепот, – что тут вообще люди стонут от засилья бандюков. Сам-то глава района из этой же шайки-лейки. Правда, в тюрьме он не сидел, но все эти годы был тут главным рэкетиrom и наркобароном. На выборах в районное собрание протащил своих «шестерок»... Говорят, для подкупа водку машинами завозили. Они его и выбрали главой. Ну а он теперь весь район под себя подмял – ему все дань платят. Его и за глаза-то никто по имени не зовет, только Батоном – кличка у него такая.

– Интересно дым пошел... – Стас потер небритый, щетинистый подбородок. – Вы знаете, мы сейчас планируем привести себя в божеский вид... Если вам это не покажется... м-м-м... с моей стороны нескромным, через полчаса мы были бы рады видеть вас у себя. Было бы очень даже неплохо побольше узнать о жизни здешней глубинки.

– А давайте, лучше вы к нам? – с некоторой лукавинкой предложила его собеседница. – Мы вас чаем напоим. Можем даже покормить. В гостинице буфета нет, столовой поблизости не замечалось, а магазины откроются неизвестно когда. Ну, как, вы не против?

...Неспешно уминая бутерброды с сыром и колбасой, приятели отхлебывали чай и слушали демьяновские были, ранее поведанные их соседкам дежурной по гостинице.

– Эти, что приходили, они не местные, – рассказывала Лида, которая и пригласила оперов в гости. – Из бывших тюремщиков. Тут в районе есть своя зона, общий и строгий режим. Вот эки как на свободу выходят, так тут и оседают. А работы ни в городе, ни в районе никакой нет. Ну, они и промышляют кто во что горазд. Кто ворует, кто мобильники отнимает, кто облагает данью коммерсантов.

– А что же милиция? – отхлебывая чай, спросил Гуров.

– Да, сами ж видите, какая она тут, милиция... – грустно улыбнулась другая из обитательниц номера, назвавшаяся Таней. – Тетя Валя говорила, что раньше тут хоть и хватало всяких безобразий, но такого беспредела еще не было никогда. Батон, как стал главой, сразу же выжил прежнего начальника милиции и протащил своего. А этот – сам настоящий бандюга. У него, говорят, есть своя, личная шайка, которая грабит дальнбойщиков.

– А прокуратура? – снова спросил Лев.

– Одного поля ягода... – отмахнулась Лида. – Люди туда уже и не обращаются. Что толку? Бандюков лучше всяких адвокатов отмазывают на раз. Тем тут раздолье...

Как выяснилось из разговора, женщины были врачами из области, которых из-за нехватки местных кадров посылали сюда на своего рода вахту. Семейным делалась поблажка – срок командировки был не более недели. А холостых могли послать и на месяц, и на два.

– Сколько от нас из-за этого ушло молодежи – не сосчитать... – сокрушалась Таня. – Как только доходит очередь ехать сюда, сразу же кладут заявление на стол. У нас Демьяновск меж собой Дырьяновском называют. Ну а в самом деле, что тут хорошего? Порядка никакого, бытовые условия – первобытные. Одно слово – дыра.

Вернувшись к себе, Гуров некоторое время молча сидел на своей койке, задумчиво глядя в окно.

– Как считаешь, эта самая тетя Валя местных страшилок не переборщила? – сев на свою койку, поинтересовался Крячко.

– Не исключено. – Лев пожал плечами. – Но мне почему-то кажется, что если она в чем-то и сгустила краски, то все же это соответствует действительности.

– Я так понял, что раз уж местному криминалу все тут платят дань, то, возможно, платить приходилось и детдому? Что, если директор, скажем, уперся, заартачился, вот ему в назидание другим и пустили «красного петуха»?

– Я уже сам об этом думал. Конечно, маловероятно, чтобы кто-то надумал бунтовать в единоличном порядке. Но кто знает?..

– Как вернемся, надо будет через наше министерство и Генпрокуратуру решить вопрос о комиссии, чтобы как следует раздраконить здешний гадючник. – Стас вопросительно посмотрел на Гурова.

– Ну, конкретно по Демьяновску, я думаю, этот вопрос решим... – Тот саркастично усмехнулся. – Хреново тут другое – сколько же их всего по России, таких вот гадючников? Где набраться столько комиссий, чтобы их все раздраконить? Ладно, это потом. Давай на сегодня так. Ты берешь Дементьева и идешь в электросети опознавать электрика, если только такой там имеется. Я созвонюсь с областью, узнаю, как самочувствие Калининского. Надеюсь, он в сознании и сможет рассказать что-то конкретное. Если я уеду туда, тебе придется взять на себя визит к местным гаишникам и в земельный комитет.

– Добро... – Стас кивнул и, встав с койки, направился к двери. – Время уже полвосьмого, так что в самый раз.

По уже знакомому маршруту Гуров отправился пешком в центральную районную больницу. Идти к ней нужно было по центральной улице городка, образованной двух- и трехэтажными зданиями. К самой же больнице, как и вчера, пробираться пришлось по вдребезги разбитой улочке, изобилующей множеством рытвин и глубоких выбоин. В приемной главврача ЦРБ он застал его секретаршу – худенькую девушку в скромном сером костюмчике. Та известила Льва о том, что «...Василий Григорьевич в отъезде и сегодня его не будет». Но, проявив любезность, созвонилась с областной клиникой, куда поместили Калининского. К досаде Гурова, из клиники сообщили, что пострадавший в ДТП Калининский минувшей ночью скончался, не приходя в сознание.

Выйдя на улицу, Лев созвонился со Станиславом по мобильному.

– Стас, занимайся электриком. Я пойду к гаишникам и к земельщикам.

– А что с Калинским? – голос Стаса был преисполнен недоумения.

– Умер. Эта ниточка оборвалась. Очень жаль... Считай, у нас опять абсолютно ничего нет.

Минут через двадцать он вошел в местное отделение ГАИ. У входа в окошке маячило лицо дежурного, который с кем-то разговаривал по телефону. Чуть дальше у стены сидели двое сотрудников, лейтенант и младший сержант, видимо, только что вернувшиеся из поездки – у входа стояла сверху донизу забрызганная грязью «десятка» с маячками на крыше.

Увидев Гурова, дежурный положил трубку и, выглянув в окошко, сипловато спросил:

– Вы к кому?

В нескольких словах Гуров пояснил цель своего визита.

– Вот, полчаса назад сообщили, что еще ночью «семерку» перехватили в соседнем районе, – услышав их разговор, сообщил лейтенант. – Она, кстати, тамошняя. Водитель и пассажир задержаны.

– А что это за люди? – спросил Лев, внутренне воспрянув духом – он даже не предполагал, что подобное может произойти так скоро.

– Да два сопляка, обкурившиеся коноплей, – сердито надулся лейтенант. – Угнали чужую машину и решили, как это они называют, «продизелить» по району. Вот и «надизелили» – не за хрен угробили мужика. Специально, сучата, сбили...

Глава 3

Из ГАИ Гуров вышел с окончательно испорченным настроением. То, что еще вчера хоть как-то выстраивалось в некую условную версию, сегодня трещало по швам и расползалось. Теряя остатки оптимизма, Лев направился на центральную «авеню» Демьяновска, где, как ему объяснили гаишники, и располагался земельный комитет. В кадастровом отделе в его скверное настроение добавили ложку дегтя: на земельный участок, где располагался сгоревший интернат, не претендовал никто.

– Да и кто тут может претендовать-то? – безмерно удивилась сотрудница отдела. – Строительство в городе совсем зачехло. А те, что при деньгах, так они строятся не где-нибудь, а в микрорайоне, который у нас называется Долиной нищих. Это совсем в другом конце. Нет-нет, на эту землю желающих пока не находилось. Да и вряд ли найдется.

По пути в гостиницу Гуров зашел в продуктовый магазин, где набрал большой пакет продуктов. Стаса еще не было, и он, воспользовавшись электроплиткой на общей кухне, из полуфабрикатов и зелени, купленной у бабулек, торговавших неподалеку от гостиницы, приготовил несколько походных блюд. Ближе к обеду стол в их номере украсился бутылками лимонада, пива, салатами двух разновидностей, сервелатом, сыром и даже тортом, не считая иных всевозможных мелочей, наподобие фруктов. Услышав доносящееся из-за двери цоканье женских каблучков, Лев выглянул из комнаты и, увидев Лиду и Таню, идущих по коридору, торжественно провозгласил:

– Кушать подано! Прошу к столу.

Женщины переглянулись и смущенно уведомили Льва о том, что им очень неловко злоупотреблять его любезностью.

– Вы нам и так очень помогли, – ответила Лида, которая явно была побойчее, нежели ее застенчивая подруга. – А тут еще и стол накрыли... Не рассчитаемся с вами!

– Ну, то, что вас выручили, – это наша профессиональная обязанность. А приглашение к обеду – это просто... жест соседской взаимовыручки. Вам же еще надо что-то успеть приготовить, а потом на работу бежать. А тут уже все готово. Тем более что мы через несколько часов отсюда уезжаем. – Гуров přátельски улыбнулся, чем окончательно обезоружил дам.

В этот момент хлопнула входная дверь, и в коридоре появился Станислав. Он шел с кисло-досадливой миной на лице. Но, увидев Лиду и Таню, мгновенно преобразился.

– Какие люди! – задорно воскликнул он. – День добрый! О чем речь держим?

– Таня и Лида любезно согласились с нами пообедать, – сообщил Лев, чем поверг Стаса в крайнее изумление.

– Дас ист фантастиш! – просиял Крячко, изобразив руками нечто замысловатое. – Брависсимо! А ты хоть что-нибудь приготовил? – неожиданно опомнился он.

– Не без того, – сдержанно улыбнулся Гуров. – Хорош хозяин, который приглашает гостей к пустому столу.

– Обалдеть! – Стас восхищенно раскинул руки, увидев уставленный стол. – Тогда вперед! Я проголодался, как тамбовский волк. Кстати, кто-нибудь знает, почему тамбовский волк всегда считался куда более голодным, нежели брянский? – глубокомысленно спросил он, подвигая дамам стулья.

– Потому что всегда задает слишком много ненужных вопросов, – невозмутимо сообщил Гуров. – Ему и охотиться-то, бедному, некогда, такому любознательному. Давайте выпьем этого замечательного пива, чтобы наша сегодняшняя неудача была последней, – предложил он, наполняя стаканы и кружки.

– А ты как догадался, что и у меня полный пролет? – Стас невольно почесал затылок.

– По твоему «жизнерадостному» лицу, едва ты появился в гостинице, – рассмеялся Лев.

Стасу, как и Льву, злокозненная Фортуна улыбнуться так и не пожелала. Когда они с Дементьевым зашли к начальнику электросетей, тот с ходу огорошил его известием о том, что ни одного электрика рыжей масти в его ведомстве не водится. Более того, не было и таких, чтобы носили бороду. Кроме того, никого из монтеров, контролеров и так далее последние две недели он в интернат не посылал... Вконец расстроенный Станислав, вручив алчущему вахтеру десятку на чекушку «бормотухи», решил проявить инициативу и обойти всех без исключения в данный момент отставных сотрудников интерната. Их адреса он взял в больнице все у той же Наташи. Но и это, по сути, не дало ничего, что помогло бы сдвинуть расследование с мертвой точки. Единственной, кто смог сказать хоть что-то интересное, была кастелянша, которая видела, как во время осмотра прачечной интерната завхоз на какое-то время выходил из помещения – его кто-то вызвал к телефону, а электрик тут же поднялся по стремянке к проводам и что-то вставил в распределительную коробку.

Обед прошел весело и непринужденно. Стас без конца подливал дамам пиво и порывался сбегать за чем-нибудь покрепче. Но Таня пить согласилась только лимонад, а Лида сразу же пресекла намеки на «крепенькое»:

– Вы что, Станислав?! Нам еще вести прием. А я уже сейчас «под креном».

В разгар обеда в дверь кто-то постучал. Гуров выглянул и увидел сурово нахмуренную горничную-дежурную-портье тетю Валю. Осуждающим взором Фемиды, которая сняла с глаз свою лицемерную повязку (дураку понятно, что, даже завязав глаза, богиня правосудия прекрасно слышит звон монет и шелест купюр), тетя Валя грозно поинтересовалась:

– С правилами проживания в гостинице ознакомлены? Тогда почему в номере попойка? Вы мне еще тут аморалку устройте!

– А кто сказал, что здесь попойка? – Стас удивленно развел руками. – У нас только лимонад. Где пиво? Это разве пиво? Попробуйте и убедитесь сами.

Он щедрой рукой налил пива в большую кружку и подал тете Вале. Та с опаской понюхала пену и уж хотела было запротестовать, но неожиданно для самой себя взяла кружку и со словами:

– Выпьем с горя, где же кружка? Сердцу будет веселей... – единым махом опорожнила ее до дна.

Закусив сервелатом, радикально подобревшая тетя Валя собралась уходить, напоследок уведомив постояльцев:

– Ну, ребятушки, ладно... Гуляйте... Только, ради бога, скромненько, без дебошей, без скандалов. Я зашла-то глянуть как тут и что. Сейчас пойду домой. Там у меня хлопот и за неделю не перехлопотать.

Гуров взял со стола несколько апельсинов, гроздь бананов и протянул их тете Вале.

– Вот, возьмите для вашей больной, – предложил он.

– Ну, спасибо. Внукам понесу... – женщина охотно приняла гостинцы. – А больная, что?... Нынче под утро преставилась, слава тебе... Ой!.. Прости, господи, дуру грешную! Преставилась, царствие ей небесное. Да, вот кое-что для вас про пожар узнала. Люди говорят, что перед тем как пожар был, в интернат приходил какой-то рыжий, с бородой и усами. Вроде бы электричество проверял. А сам, как только Колька-завхоз отвернулся, провода запутал, чтобы они загорелись. Вроде бы на один провод все переключил – и плиты, и прачечную, и телевизоры. А в пробки толстые «жучки» вставил. Вот ночью от этого проводка и занялась.

– А почему он так сделал, для чего это ему нужно было, ничего не слышно? – спешно спросил Крячко.

– Да вроде это ихнее областное начальство подстроило. Они ж дают сюда на копейку, а у себя списывают на рубль. А тут – ревизия. Кому ж хочется в Пупуковку? Ну, это у нас так по-местному тюрьма называется. Вот они и наняли криминала, чтобы тот поджег интернат и с ним сгорели все его документы. А того рыжего наш пастух Игонька видел. Значит, брюхо

Игоньке прихватило, и поскакал он в кусты. Сидит он, значит, в кустах, запором мается. Тут видит – идет по дороге рыжий, с бородой и усами. Озирается. Подумал, что никого рядом нет, и свою бороду и усы отцепил, парик снял, спрятал в сумку и пошел прямо на те кусты, где схоронился Игонька. У Игоньки с перепугу сразу запор прекратился. Ага! Он-то сразу понял, что раз мужик обличье менял, значит, где-то чего-то натворил. Ну а коль Игонька видел его такого, как есть, то тут и до убийства недалеко – свидетель... Но ничего, «рыжий» прошел мимо, его не заметил, завел где-то в кустах спрятанную машину и тут же уехал.

– А что за машина, какого цвета, модель? – непроизвольно внутренне напрягся Гуров.

– Ну, милый, тебе еще и номер скажи, и отпечатки пальцев предъяви... Об этом ничего не говорили.

– Так, Лева, наверное, давай закругляться. – Стас поднялся со своего стула. – Девчата, будьте здесь как дома. А мы пойдем побеседуем с Игонькой.

– Сидите, сидите, где вы его сейчас найдете? – урезонивающе махнула рукой тетя Валя. – Он со своими коровами может и на Рубановку податься, и за Калачево. Часов в шесть выходите к околице со стороны районной больницы, он обычно с того конца гонит стадо.

Мурлыкая себе под нос что-то лирическое, тетя Валя вышла из номера.

– Ну и отлично! – обрадовался Стас. – Значит, хочешь не хочешь, остаемся до завтра. Тогда мы сегодня забабахаем еще и классный ужин, при свечах... М-м-м!.. Это будет что-то!

– Ужин – это хорошо, но нам завтра нужно быть у Петра. – Гуров с иронией покосился в сторону Стаса. – Ты об этом не забывай.

– Петр – это ваш начальник? – с хитринкой улыбнулась Лида. – Он у вас очень строгий? Вы его боитесь?

– Ага, прямо аж пятки от ужаса инеем покрываются! – с сарказмом хохотнул Крячко. – Просто Лева, как завзятый однолюб, опасается, что какая-нибудь молодая и красивая может ненароком пошатнуть его моральные устои.

– Какие ужасные подозрения!.. – захохотала Лида. – Впрочем, Лев Иванович прав: моральные устои прежде всего. Мы за это обеими руками. Тань, ты тоже?

– Конечно... – Таня скромно улыбнулась, украдкой посмотрев на Гурова и как бы случайно коснувшись его руки своими легкими, тонкими пальчиками.

Лев вдруг почувствовал, как внутри полыхнуло жаром, а сердце заколотилось сильно, настойчиво, требовательно. В этот момент дверь снова распахнулась, и в номер заглянула все та же тетя Валя. На сей раз она выглядела очень озабоченной.

– Ребята, на вас нынче готовится облава, – сообщила она. – Ко мне только что зашла знакомая, говорит, что те охламоны, которых вы утром тут замесили, пошли к своему главарю, поплакались. Ну а он дал команду с вами разобраться. Так что вечером вам тут оставаться негоже.

– А что это за знакомая? Она-то откуда располагает такой информацией? – насторожился Гуров.

– Ну... Кто она – говорить не буду. Но то, что не соврала, могу побожиться.

– Постойте, постойте... – Стас недоуменно прищурился. – Как это они могли пойти поплакаться? Они ж должны сидеть в КПЗ.

– Да где там! – тетя Валя говорила отрывисто и зло. – Отпустили еще утром. Прокурор запротестовал – мол, незаконно задержали. Ну а начальник милиции и рад стараться... Он же у того пахана на побегушках. Как же! Лучший друг нашего Батона.

– Ни х-х...рена себе!.. – Крячко был одновременно и ошарашен, и разъярен. – Они тут что, совсем без башни?! Устроили бандократию!

– Как зовут этого пахана, где его найти? – внешне сохраняя спокойствие, но внутренне закипая, спросил Гуров.

– Да где ж еще, как не в кабаке! Это ресторан «Тройка». Он туда с обеда как завалится, так и торчит за полночь... Там без конца потасовки, визг, писк!.. Тьфу! Содом и Гоморра. А зовут его Талибом, потому что фамилия Тульбин.

– Расскажите подробнее, где этот ресторан находится, есть ли у Тульбина охрана, как он выглядит?

Выслушав тетю Валю, приятели решили, не откладывая в долгий ящик, немедленно заняться Талибом. Таня и Лида, посмотрев на часы, заторопились на работу. А опера, достав из дорожных сумок личное оружие, окольными улицами направились к «Тройке».

Даже издали было заметно, как на крыльце ресторана, старомодного, вычурного фасона, околачивается дюжий верзила, судя по всему – охранник пахана. Обойдя ресторан с тыла, приятели подошли к его черному ходу. Со слов тети Вали они имели некоторое представление о расположении его помещений. Притаившись за штабелем пустых ящиков, они некоторое время прислушивались к происходящему внутри. Где-то далеко слышались голоса, заглушаемые буханьем разухабистой музыки.

Дверь черного хода была заперта на взрезной замок старой конструкции. Стас, подобрав кусок сталистой проволоки, всего через пару минут заставил его капитулировать. Опера осторожно зашли в узкий коридорчик, загроможденный какими-то ящиками, и приоткрыли дверь, ближнюю от входа. За ней оказался склад, забитый всевозможными мешками, ящиками и коробками. За следующей дверью была довольно просторная комната с зарешеченным окном и несколькими дверями, на одной из которых была изображена мужская шляпа, а на соседней – дамская туфелька на шпильке.

– Вот это то, что нам и нужно. – Гуров достал из кобуры свой «штайр» и передернул затвор. – Когда-нибудь, а сюда он заявится обязательно.

Войдя в тамбур туалетных комнат, опера увидели еще одну дверь, запертую на висячий замок. Вскрыть его труда не составило. Открыв дверь, опера увидели тесноватый чуланчик, заполненный всяким хламом. Войдя внутрь, приятели закрыли дверь чуланчика и стали ждать. Минут через пятнадцать в тамбуре появился какой-то подвыпивший бритоголовый тип в дорогом костюме. О чем-то канюча, за ним шла пьяная девица в вызывающе коротком наряде.

– Ну, Вася, ну ты же обещал... – страдальчески вздыхала девица, дергая бритоголового за рукав.

– Вот достала... – тот небрежно оглянулся. – Вроде никого... Ладно, давай!

Они вместе зашли в мужское отделение, с громким щелчком заперев за собой дверь.

– Ну что уж они такие стеснительные? – наблюдая через щель в филенке, разочарованно прошептал Стас. – Я думал, они прямо здесь будут...

– Тише, вуайерист ты наш озабоченный! – сердито фыркнул Гуров.

В этот момент в помещение вошли двое рослых верзил, по виду – типичных «быков» из окружения какого-нибудь криминального босса. Один из них попытался открыть дверь мужского отделения. Но она не шелохнулась.

– Эй, кто там заперся? А ну, вылазь! Живо! – заорал «бык», стукнув по ней кулаком.

Через некоторое время щелкнул запор, и из-за двери показалась «сладкая парочка».

– Давайте быстро отсюда! – заорал второй «бык». – Нашли где трахаться. Вон, в коридорчике дотрахаетесь. Все, все! Вас тут нет!

Едва парочка выскочила в коридор, в тамбуре появился крупный тип в дорогом кремовом костюме с обрюзгшей бульдожьей физиономией. Было заметно, что верхний край его левого уха как будто срезан. Как описала Талиба тетя Валя, это мог быть только он. «Бык» осмотрел мужское отделение туалета и коротко доложил:

– Порядок!

Талиб зашел в туалет, «быки» стояли в тамбуре, тупо глядя на дверь, за которой скрылся их босс. Они не успели ни услышать, ни среагировать, когда за их спиной, словно появившись

из-под земли, возникли две крупные фигуры. Глухо прозвучали слившиеся в один два отрывистых удара, и «быки» безмолвно рухнули на пол. Опера быстро извлекли из их карманов оружие и подперли ножками бильярдного стола двери в коридорчик и со стороны зала. Распахнув дверь в мужское отделение, они увидели Талиба, который, что-то гнусаво напевая, стоял у писсуара.

– Вам чего?.. – недовольно оглянувшись, начал он, но мгновенно осекся, увидев двух рослых незнакомцев с мрачно-матово поблескивающими в руках боевыми пистолетами.

– Не дергайся, если жизнь дорога. – Станислав быстро проверил его карманы и из-под одежды достал пистолет, похожий на «беретту», только меньшего размера. – Ствол... А разрешение на его ношение есть?

– Вы... кто?.. – осипшим голосом спросил Талиб.

– Сейчас узнаешь... – зловеще усмехнулся Крячко. – Так на кого ты там приказал устроить облаву?

– А!.. Вы опера из Москвы? – догадался Талиб. – Чего вы хотите?

– Объяснить тебе кое-какие прописные истины. – Гуров смотрел на него в упор, отчего Талибу очень хотелось съежиться, чтобы стать маленьким и незаметным. – Вы тут что, совсем нух потеряли? Вы кем тут себя возомнили, гниды уголовные? Вам что, устроить хороший шорох, чтобы потом до скончания века икалось?

– Да ни хера вы ничего не устроите... – придя в себя, Талиб презрительно усмехнулся. – Это вы что же, пришли меня поугатать? Зря стараетесь. Оружие в ход не пустите – это я точно знаю. Дуйте отсюда, пока не расчихались мои ребята. А то, если они сейчас подвоят сюда, вас как минимум опустят. А то могут и без яиц оставить.

– Что?!! – Крячко от подобной наглости буквально осатанел. – Ах ты, паскуда! Ты еще смеешь пугать?! Не двигаться, урод! Руки за голову! Ну!!! Поднял, живо!

Поняв, что по части бравады он сильно перегнул, Талиб неохотно подчинился. Стас упер ствол пистолета ему в живот и одним рывком сорвал вниз висевший на подтяжках «нижний этаж» его костюма. Ошарашенный Талиб дернулся было, чтобы прикрыть ладонями свое оголившееся достоинство, но свирепая команда: – «Не двигаться!» – вынудила его вернуть руки на место.

– Вы что задумали? – теперь уже не на шутку перепугался Талиб. – Вы это... прекращайте. Ладно, давайте договоримся...

– Поздно... – Стас оглянулся и, увидев стоящую на полу у двери пустую бутылку из-под колы, зло рассмеялся. – А вот и то, что нужно. Так, ты говоришь, твои козлы нас опустят? Это тебя я сейчас опущу. В общем, так, ты сейчас вернешься в зал, но только с голой жопой и торчащей из нее вот этой бутылкой. Думаю, тебя там встретит бурная овация. Тебе после этого будет прямая дорога только в какой-нибудь гей- клуб – в этом кабаке уже не погуляешь.

– Не надо, мужики! Вы что?! Это же беспредел! – запричитал Талиб, испуганно глядя на Станислава. – Беру свои слова обратно. Мужики, извините, простите, не надо этого делать, не надо!..

– Информация – в обмен на неприкосновенность твоей задницы. – Гуров незаметно включил свой сотовый в режиме диктофона. – Конфиденциальность относительно местной публики гарантирую. Итак, я хотел бы знать, кто тут у вас в районе всех крышует? Ты, Батон или кто-то еще? – непререкаемым тоном спросил он.

Талиб, остекленело глядя в потолок, судя по всему, никак не мог собраться с духом, чтобы начать «колоться».

– Ты что, хочешь, чтобы я твои яйца малость деформировал? Живо выкладывай все, что знаешь! – рявкнул Стас, нацелив свою крепкую пятерню на его промежность.

– Прокурор района Шумдин... – тоскливо морщась, выдавил Талиб. – Под ним тут все ходят. Батон и я тоже в авторитете, но он и в области считается самым крутым...

Выяснив структуру и сферы приложения сил местного криминалитета, Гуров задал свой последний вопрос:

– Кто и зачем поджег интернат?

– Не знаю... – Талиб растерянно покрутил головой. – Ей-богу, не знаю. Матерью клянусь, своим здоровьем – вообще не в курсах, кому понадобилось поджигать этих убогих.

Быстро посоветовавшись, Гуров и Крячко решили из ресторана немедленно уходить, прихватив с собой Талиба и обо всем услышанном от него сообщить Петру. Талиб, услышав о том, что опера забирают его с собой, занудливо заскулил:

– Вы же обещали...

– Обещали, что твой уголовный статус не будем нарушать, что на зону пойдешь если не орлом, то и не петухом. – Стас знаком распорядился, чтобы тот водрузил свои штаны на место. – А больше тебе ничего не обещалось. Пошли, и поживее.

Выйдя в коридор, Гуров увидел испуганно жмущуюся к стене все ту же «сладкую парочку».

– Быстро в эту дверь – она не заперта, и ходу домой, – посоветовал он. – Вы слышали много чего лишнего, а это чревато.

Те не заставили себя долго ждать, опрометью выскочив наружу. Выведя Талиба на улицу, Стас той же самодельной отмычкой аккуратно закрыл за собой замок. Едва они свернули за угол, за дверью черного хода послышался бешеный топот ног и встревоженные вопли:

– Где босс?! Куда он делся? Вы, козлы, куда глядели?

Быстро связавшись с Орловым, Лев вкратце сообщил об итогах расследования причин пожара и криминальной ситуации в Демьяновске, включил аудиозапись показаний Талиба.

– Через министерство выйди на область, пусть немедленно шлют подкрепление. А то тут скоро может стать очень жарко, – закончил он.

Незаметно пройдя проулками к гостинице, опера завели Талиба в свой номер, где он остался под присмотром Стаса. Гуров вышел на улицу, чтобы контролировать обстановку снаружи. Присев на лавочку сбоку от крыльца за огромным, пышно разросшимся кустом боярышника, он неспешно закурил позаимствованную у Стаса сигарету, наблюдая за происходящим вокруг.

Мимо типично деревенского забора, окружающего гостиницу, время от времени курсировали местные жители. Кто-то шел из магазина с покупками, кто-то, «при параде», явно направлялся в гости. Чему-то смеясь, пробежала стайка мальчишек. Внезапно раздался гул мотора, и, вылетев из-за поворота, к гостинице подрулила синяя «Мазда», из которой выскочили двое парней и бегом кинулись в гостиницу. Гуров немедленно последовал за ними, на ходу доставая оружие. Закрыв за собой дверь, он жестко скомандовал:

– Стоять! Не двигаться! Руки на затылок. А теперь аккуратненько, не делая резких движений, лечь на пол лицом вниз. Руки и ноги врозь!

Проверив карманы «быков», Лев обнаружил у каждого из них по «макарову». Имелись и запасные обоймы. Неожиданно зазвонил мобильный одного из задержанных. Гуров поднес пистолет к его затылку.

– Возьми телефон и, если спросят про Талиба, скажи, что в гостинице его нет, а вы поехали дальше, – приказал он.

– Чего, Леха? – стараясь говорить непринужденно, хотя прыгающая челюсть мешала это делать, откликнулся «бык». – Нет, босса в клоповнике нету. Мы поехали дальше.

Связав их руки кусками бельевой веревки, Гуров препроводил задержанных в свой номер.

– Принимай пополнение! – объявил он, заталкивая бандитов в комнату.

Талиб и его подручные с угрюмым недоумением молча взирали друг на друга. Гуров, сев в «Мазду», отогнал ее за гостиницу, где с улицы заметить машину было невозможно.

Через полчаса к калитке подошла тетя Валя. Увидев Льва, она с грустным вздохом сообщила:

– Уехали наши-то красавицы. Уехали... А вот теперь и вы уедете. Опять буду в этой хибаре куковать совсем одна.

– А когда же они успели? – с явным внутренним облегчением спросил Гуров.

– Да вот вскоре как вы ушли. К ним на работу, чтобы проведать, как они тут устроились, приехал Лидочкин муж. Ну а как узнал, что тут творится, забрал их обеих с вещами и увез. Они к нам домой заезжали, чтобы мне ключи отдать. У нас как раз шли поминки. А у вас тут как?

– Воюем... – загадочно улыбнувшись, уведомил Лев. – Вы в наш номер пока не заходите. Там сейчас задержанные бандиты. Их охраняет Станислав. Вот, ждем подкрепления. Вы у себя в администраторской пока посидите, как будто ничего не знаете, а я подежурю здесь.

Еще через полчаса к гостинице подрулил «Соболь», из которого десантировались четверо спецназовцев в камуфляже, «брониках» и касках. Лев, доставая удостоверение, подошел к калитке.

– Вы полковник Гуров? – спросил рослый капитан и, взглянув на удостоверение, доложил: – Капитан Броднев. Прибыли в ваше распоряжение.

– Криминального авторитета и двух его подручных, которых мы задержали, можете забирать. Они здесь, в гостинице, их охраняет полковник Крячко. – Гуров направился к крыльцу. – Тут вот еще что... Согласно показаниям задержанного главара, главная криминальная «скрипка» района – здешний прокурор. В числе криминальных заправил также глава администрации района и начальник райотдела милиции. Я имею намерение немедленно задержать их всех.

– Товарищ полковник... – капитан несколько замедлил шаг. – Разумеется, вы приказать вправе. Но задержать сразу троих чинов такого ранга без решения хотя бы областных инстанций – дело рискованное.

– Хорошо, попытаюсь уточнить. – Лев набрал номер Петра. – Снова я. Ситуация такова. Намереваюсь задержать всю местную криминальную верхушку. Как думаешь, министерство потом нам самим по голове за это не настучит?

– Лева, хорошо, что позвонил... – по голосу Орлова чувствовалось, что он сильно раздосадован. – Начальника милиции бери – наше ведомство дало добро. На него и раньше были серьезные сигналы. А вот прокурора и главу администрации взять не получится. Только что переругался с некоторыми здешними ведомствами. У этих сук связи нехилые. Придется погодить.

...Начальник милиции в чине майора при виде группы захвата, явившейся в его кабинет, был настолько деморализован, что некоторое время недвижно, как манекен, сидел с посережним лицом. Он лишь беззвучно хлопал ртом и испуганно смотрел на московских оперов, с которыми так приятельски общался всего сутки назад. Теперь между ними как будто пролегла бездонная пропасть.

– Ну что, даем чистосердечное? Усугублять не будем? – деловито поинтересовался Крячко, усаживаясь напротив. – Твой кореш Талиб на «чистуху» согласился.

– Да, да, конечно... – по лицу майора потекли крупные капли пота. – Я сейчас, сейчас... Неуверенными руками он взял бумагу и авторучку. Но руки его слушались плохо.

– Вы позволите, я немного... приму для успокоения? – майор просительно посмотрел на Гурова.

– Примите, – неохотно согласился тот.

Майор достал из сейфа начатую бутылку водки и, кривясь, налил половину граненого стакана. Гуров стоял, глядя в окно, Стас сидел, барабанил пальцами по столу. Майор, мгновение помедлив, как ему думалось, незаметно для других, уронил в стакан маленький белый шарик,

который тут же растворился. Однако едва он поднял стакан, рука Стаса мгновенно перехватила его запястье.

– Минуточку... – Крячко осторожно высвободил стакан и отставил в сторону. – Травиться надумал? Зря. Мы такую вероятность предусматривали. Пиши, коль уж согласился. А этот стаканчик пойдет как дополнительная улика.

Проводив группу захвата с задержанными, опера отправились на околицу городка, где вскоре должно было появиться стадо под водителем пастуха Игоньки. Время уже приближалось к шести, и в километре от околицы на заброшенном поле, густо поросшем бурьяном, показалась живая, пестрая масса важно вышагивающих животных. Игонька шел, как и подобает пастуху, последним, время от времени щелкая кнутом. Увидев оперов, он остановился, а затем медленно попятился назад.

– Постойте, мы из милиции! – достав удостоверение, крикнул ему Гуров. – Мы хотим вас кое о чем расспросить.

Но разговора с Игонькой не получилось. На все вопросы пастух лишь как болванчик тряс головой и испуганно повторял одно и то же:

– Не знаю я... Ничего я не знаю! Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю...

Поняв, что от него ничего не добиться, опера отправились в гостиницу.

– Трус долбаный! – зло ворчал Стас, пиная ногой консервную банку. – Знать бы, что придется иметь дело с таким слизняком, лучше бы с ребятами уехали на «Соболе». Небось уже и билеты взяли бы на самолет. Но самое хреновое – с соседками сорвалось. Как же не вовремя за Лидой приехал ее благоверный! Кстати, Лев, а Таня-то, я заметил, на тебя произвела очень даже мощное впечатление. Выходит, не я один такой впечатлительный, признайся. Ведь так же?

– Ну, произвела... – Гуров пожал плечами. – Но дело-то ведь не в том, что я слаб. Все дело в том, что она сильна именно как очень привлекательная женщина. Ты думаешь, отчего на наших норовят жениться иностранцы? Ведь просто красивых женщин хватает и у них. Но в наших природа заложила лишнюю изюминку. А это важнее всего.

Тетя Валя вышла провожать оперов до самой калитки.

– Уезжаете... – уже в который раз со вздохом повторяла она. – Может, еще когда-нибудь сюда завернете хоть на денек? Вот, приехали вы, и в нашем болоте как будто ветерком свежим повеяло. Теперь хоть знать буду, что есть еще на свете правильные люди в начальстве. Приезжайте, а? Может, еще кого арестуете? У нас же этого жулья – хоть бульдозером выгребай! Считайте, что весь Демьяновск вас приглашает...

Глава 4

После той поездки в Демьяновск Гуров и Крячко около недели изучали официальные материалы по происшедшим пожарам, посвященные им журналистские расследования, просматривали видеоматериалы телекомпаний, делавших репортажи на эту тему. И если в среде массмедиа царила разногласица, каждый отстаивал свою точку зрения, в официальных документах преобладало единодушие. Комиссии, расследовавшие причины возгораний, как правило, находили причины, так сказать, нейтрального свойства – искрение электропроводки, невыключенные утюги, электроплитки и кипятильники, курение в постели и тому подобное.

Ну а в СМИ версий было не счесть. И пишущие, и снимающие выдвигали самые разные варианты причин, начиная от мести ранее уволенных работников, до лучей лазеров, испускаемых летающими тарелками злобных гуманоидов, ненавидящих человечество. Попалось несколько публикаций, авторы которых считали пожары своего рода развлекухой неизвестных (скорее всего, состоятельных) отморожков. Эти материалы Гуров просматривал уже поздно вечером в своем обычном режиме скоротечения. Предположив, что здесь имеется рациональное зерно, он решил обсудить прочитанное с Петром и Стасом. Но под утро последовал спешный вызов в один из подмосковных районов, где в поселке Кукушкино произошел пожар в доме инвалидов. Собираясь в пожарном темпе (коль предстоял выезд на пожар, можно ли было собираться как-то иначе?), Лев механически куда-то сунул газеты, и в считанные минуты под натиском во всех смыслах горячей информации прочитанное вечером в его необъятной памяти тихо кануло на какие-то второстепенные задворки. Уже собираясь уходить, он взглянул на настенный отрывной календарь. Под набранным мелким шрифтом заголовком «Фазы луны» зловеще красовался ровный кружочек – полнолуние.

...Когда упылило на своих персоналках местное начальство и отбыл микроавтобус телевизионщиков, к Гурову и Крячко снова подошел майор Акимов. Выглядел он крайне усталым, будто только что разгрузил пяток вагонов на соседней товарной станции.

– Кинолог с собакой прибыл... – хрипловато сообщил он. – Сейчас начнет работать по следу.

Из остановившегося у пятиэтажки «уазика» с мигалками и милицейской раскраской вышел худощавый парень в сером камуфляже, который вывел на поводке поджарого пса темно-серой масти.

– Идемте посмотрим, куда он нас приведет. – Гуров посмотрел на часы. – Досадно, конечно, но этих ножеметателей уже давно и след простыл. Боюсь, он может оказаться «остывшим» и для этого песика.

– Это почему же? – Акимов недоверчиво покосился в его сторону.

– Слишком много следов. Тут же топтались и топчутся сотни человек. Как собаке выделить единственный, тот, что нужен? Ладно, будем оптимистами...

Но пес смог взять след и, свернув за угол пятиэтажки, повел людей через небольшую аллею в сторону расположенного неподалеку блока гаражей. Миновав несколько лабиринтов в недрах гаражного массива, он вывел к бетонной площадке перед одним из них, на которой ярко высвечивались свежие пятна крови.

– Здесь вот они, эти паскуды, и ранили парня... – Акимов зло плюнул. – Пристрелить их мало!

Нырнув в боковой проход между гаражами (скорее всего, именно оттуда и был брошен нож), пес побежал дальше, направляясь к дыре в бетонном ограждении территории гаражей.

– Мне так думается, – размашисто шагая вслед за кинологом, заметил Гуров, – метнувший нож был левшой.

– И что же вам дает основания сделать такое предположение? – скептически хмыкнул Акимов.

– Преступник находился с левой стороны от вашего сотрудника относительно направления, по которому тот двигался. Нож был брошен внезапно, из-за угла. Если бы этот метатель кидал нож правой рукой, ему бы пришлось выйти из-за угла целиком, и он тут же мог оказаться на мушке. А вот бросок левой гарантировал и внезапность, и практически полную безопасность для нападающего.

– Нам это что-то может дать? – майор в своем скепсисе был просто великолепен.

– Пока нет, – лаконично ответил Гуров. – Но в перспективе – вполне.

Выйдя из гаражного массива на проходящую мимо грунтовую дорогу, пес недоуменно закрутился, разыскивая одному ему ведомый оттенок запаха, оставленный опасными беглецами. По этой дороге за последние полчаса прошло не менее пяти машин и множество людей, что ему очень мешало. С трудом вновь выйдя на след, пес свернул вправо и повел по задворкам двухэтажных домов старой постройки. Здесь он и впрямь шел по следу очень трудно. Время от времени останавливался и, поскуливая, начинал ходить кругами, разыскивая нестойкую, то и дело обрывающуюся ниточку запаха. Миновав мусорную свалку, он свернул к простирающейся метрах в ста лесополосе, за которой неумолчно шумело шоссе.

– Скорее всего, дальше этой дороги нам делать нечего, – вслед за майором, ударился в пессимизм и Станислав. – Уверен – отсюда они свалили на машине, спрятанной где-нибудь в кустах.

– Да, видимо, наша экскурсия близится к завершению, – согласился Гуров.

Пес привел к прогалу в лесополосе, где на грунте, мягком после недавних дождей, четко отпечатались следы автопокрышек, которые вели к пологому склону шоссе, вдоль края которого не было никакого ограждения.

– Смылись, уроды! – в очередной раз остервенело плюнул майор.

– Тогда тем более нам тут не стоит топтаться. – Гуров взмахом руки дал всем понять, что нужно отойти назад. – Давайте, наверное, оставим кого-то из ваших сотрудников, чтобы кто-то случайно не уничтожил имеющиеся здесь следы и улики, – повернулся он к майору.

– Ламзин! – майор окликнул одного из тех двоих пэпээсников, которые незадолго до этого преследовали неизвестных. – Остаешься здесь до прибытия криминалистов. Прибудут ваши, из главка, или нам прислать своих? – спросил он Льва.

– Мы пришем из главка, – прикинув, ответил тот. – Следы очень неважные. А выжать нужно бы максимум информации.

– Может, заглянем в здешнюю администрацию? – закуривая, предложил Станислав. – Надо бы прощупать вариант с земельными участками. Что-то мне районный «пан голова» особого доверия так и не внушил... – добавил он вполголоса.

– Давай заглянем... – кивнул Гуров. – Хотя, по правде сказать, чувствую, тут дело не в претензиях на земельный участок. Тут что-то другое... Но вообще-то прощупать ситуацию с землей в любом случае не будет лишним.

В двухэтажном особняке администрации поселка было уже достаточнолюдно. Глава поселка, лысоватый гражданин предпенсионного возраста в очках с золотой (или золоченой?) оправой, молча выслушал оперов, время от времени потирая переносицу, словно это помогало ему лучше усвоить услышанное.

– Мне кажется, – наконец заговорил он чуть дребезжащим тенорком, – конфликта из-за земельного участка здесь не могло быть даже теоретически. Место, где расположено здание интерната, в районе считается непрестижным, и на него никто никогда не покушался. Нет, нет... Тут, скорее всего, какие-то внутренние причины. Например, неисправная электропроводка, курение в постели...

– А какие места в поселке считаются престижными? – заинтересовался Стас.

– Ну, скажем, улица Блюхера – там неподалеку озеро, зеленая зона, есть несколько старинных зданий. Церковь, например... Вот из-за этой улицы тут чего только не было.

– И поджоги в том числе? – в лоб поставил вопрос Гуров.

– Ну... Было и такое. Правда, уже давно, – поселковый глава заметно напрягся, явно боясь сказать что-то лишнее. – Сейчас в основном решать такие проблемы стараются миром. Но это совсем другая история. Вас же интересует случившееся с интернатом инвалидов?

– Нас все интересует, – сдержанно уведомил Крячко. – А скажите, в настоящее время претенденты на улицу Блюхера есть? Только не говорите, что это коммерческая тайна.

– Ну, вообще-то есть... Но эти договариваются миром. Да! Исключительно цивилизованным путем, – глава клятвенно прижал руку к груди.

– А можно узнать, кто именно собирается строиться на той улице? – Гуров снова задал вопрос, несгибаемый, как лом.

– Э-э-э... Так-то я с ходу не припомню организации, частных лиц... – глава завздохнул и засучил руками. – К сожалению, моя помощница ушла по делам, а у нее ключ от сейфа. Вот если бы вы смогли зайти после обеда, то получили бы всю необходимую информацию.

– Да нет уж, – Гуров понимающе усмехнулся, – лучше как-нибудь в следующий раз.

– Да, да!.. – подхватил Крячко. – А уж вы к той поре, будьте любезны, попросите свою помощницу оказаться на рабочем месте вовремя...

Уловив в его словах явную издевку, глава поселка помрачнел и заметно сник. Опера вышли на улицу и, спросив у прохожего, в какой стороне улица Блюхера, коротко посоветовавшись, пошли в противоположную. Шагая по аллее, Гуров буквально спиной чувствовал взгляд, нацеленный ему вслед.

– Как думаешь, этот дедуля в чем-то замешан или наподобие того Игоньки элементарно празднует труса? – закуривая, спросил Станислав.

– Скорее, второй вариант. – Гуров чуть поморщился, как если бы его обоняния достигло нечто, исходящее с грязной помойки. – Могу даже сказать, почему. Скорее всего, он бывший преподаватель математики. В школе его не любили ни коллеги, ни ученики. В конце концов, кто-то нашел повод от него избавиться. Теперь представь себе человека, которому за пятьдесят, а ему, по сути, податься некуда. Разве что в дворники? И вот ему повезло – поставили главой. Теперь он изо всех сил старается угодить абсолютно всем – и сильным, и наглым, и властным, и правым, и неправым. Лишь бы удержаться, лишь бы снова не оказаться на обочине.

– Считаешь, сейчас он кинется звонить во все концы о нашем визите? – Дисциплинированно бросив окурочку в урну, Стас оглянулся.

– Уверен. Первый, кому позвонит, будет Фролухин. Ну а потом отзвонится всей остальной чиновной и криминальной братии – по рангам и ранжирам. Я поэтому и предложил сделать крюк – пусть думает, что мы на Блюхера не пошли.

Улица Блюхера и впрямь простиралась вдоль весьма живописного озера, за которым умиротворяюще светилась белизной стволов березовая роща. Деревенские дома – кирпичные, деревянные, под железом и шифером, тесно соседствовали с особняками, возведенными в новом стиле – в несколько этажей, со всевозможными наворотами, за высокими кирпичными и бетонными оградами. Увидев у одного из дворов женщину, вдоль палисадника подметающую улицу, опера решили подойти к ней. С первого же взгляда было ясно, что сельчанка не из разговорчивых. Но постепенно беседа все же завязалась. Узнав, кто эти двое прохожих, женщина горестно посетовала:

– Что нас спрашивать о жизни? Нет ее и не ожидается. Сжидают нас отсюда живоглоты. Вот только вчера по задам шастал какой-то мутный. Что-то высматривал. Кабы опять кого не подпалили.

– А что, у вас случались поджоги? Кстати, сегодня сгорел дом инвалидов. Его, вы считаете, тоже могли поджечь? – абсолютно нейтрально поинтересовался Гуров, не выказывая и малейшего интереса.

– Ну, насчет дома инвалидов сказать ничего не могу... А вот на нашей улице за позапрошлый и прошлый годы было шесть пожаров. Уже ныне два дома еле успели потушить.

– Кто ж их поджигает-то? – спросил Стас, глядя на черный, обугленный угол одного из домов.

– А то вы не знаете! – женщина сердито нахмурилась. – Эти вот, фирмачи чертовы, что землю у нас скупают. Они ж тут строят настоящие поместья, а потом их продают всяким московским жуликам. Как же она называется, эта фирма? Вроде какой-то «Ленд Билдинг». Ко мне уже целую дорогу протоптали ихние уговорщики. Все наваливают горы золотые, лишь бы с этого места съехала. А я куда подамся? Я в этом доме родилась, прожила всю жизнь, детей вырастила... А теперь – отдай им, таким хорошим. Одни тут согласились по дури своей. Так им столько заплатили, что и на землянку не хватит.

– Они у вас когда были последний раз? – По лицу Гурова было заметно, что он сейчас обдумывает какое-то важное решение.

– Дней пять назад, – припомнила женщина. – Приезжали трое таких расфуфыренных на здоровенной черной машине.

– А насчет этого «мутного» вам что-нибудь известно? – снова спросил Крячко.

– Нет, видела его единственный раз, но слышала, что как только он появится, так в селе обязательно пожар. Роста он среднего, в плащике таком, неприглядненьком, в кепочке... Вот в лицо его не видала – он за огородами был, а я со двора за ним, из сарая наблюдала.

– А вашим соседям эти фирмачи тоже предлагали продать свои дома? – Гуров оперся о штакетник, отчего со стороны могло показаться, что меж собой обсуждают деревенские новости какие-то старые знакомые, встретившиеся после долгой разлуки.

– Предлагали... Им же под каждое поместье надо таких вот наших дворов не меньше трех-четырех снести.

– Так объединились бы, дежурили бы по очереди. – Стас решительно, по-кавалерийски рубанул кулаком. – Дали бы им дрозда как следует!

– Ага! Дашь!.. – женщина грустно улыбнулась. – Один тут дед как-то поймал этих сволочуг. Так, бедный, и до утра не дожил. Милиция приехала, сказала, что помер от остановки сердца. А он в гробу лежал весь синий и опухший. Какое ж тут сердце? Да и кому тут с кем договариваться? Я – вдова уже три года, соседи – и вовсе старики... Они уж и говорят этим фирмачам: вы хоть сначала дайте нам спокойно умереть, а потом делайте, что хотите. Те в ответ только ухмыляются: мол, ничего, за этим дело не станет!

Перекусив в компании с шофером их служебной «Волги» в крохотной забегаловке на окраине поселка, опера отправились обратно в Москву. Как незадолго до этого им сообщили по телефону, криминалисты обследовали лесополосу, где были обнаружены следы колес неизвестной машины. Были найдены несколько окурков и пуговица от женского пальто, лежавшая как бы напоказ на стволе поваленного дерева рядом с местом стоянки машины.

– Куражатся, подонки! – сердито рассмеялся Стас, которому Гуров рассказал о находках криминалистов. – Показать захотели, какие они неуловимые. Мол, вот вам улика, ищите по ней, сколько влезет.

– Да, они просчитали, что их будут искать, и решили напоследок показать нам фигу. – Гуров был серьезен, но в его глазах поблескивали искорки веселого азарта. – Но, как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Они решили схохмить, однако этим самым хоть на ноготь, но себя показали именно такими, какие они есть на самом деле. А это уже повод сделать некоторые выводы. Говоря по-народному, нутром чую, что это люди от тридцати до сорока,

не лишённые соображалки. Возможно, даже с высшим образованием, хорошей спортивной и специальной подготовкой. Это не тупые уголовные «быки». Это если и банда, то такого, «богемного» пошиба.

Через час с небольшим Лев и Станислав входили в кабинет Петра Орлова. Тот выглядел вполне сносно, если не считать темных кругов под глазами. Судя по всему, из-за пожара в Кукушкине ему тоже как следует поспать не довелось.

– Ну, что там, в этом... э-э-э... Крякушкине? – ответив на приветствие, с ходу обрушил он свой самый главный, всем этим утром выношенный вопрос.

– В Кукушкине, – поправил его Гуров. – А что там может быть? Как в мультике про кошekin дом: он, как видите, сгорел, но зато весь город цел. В общем, уже сейчас, в том числе и на уровне тамошнего руководства, начинают дудеть о том, что это или электропроводка, или курение в постели. А на деле-то все обстоит несколько иначе...

Выслушав Льва, Орлов хмуро покачал головой.

– Понятненько... – вздохнул он. – У нас в активе уже два пожара, причем второй с жертвами, а воз пока и ныне там. До новолуния сколько осталось? Дней десять? Вот до той поры нам надо раскрутить этих пироманов по полной программе, чтобы сегодняшний пожар в этой цепочке был последним.

– Хорошенькое дельце! – возмущенно подал свой голос молчавший до этого Крячко. – Тебе прямо надо как по шучьему велению! Мы там и так сделали все, что могли. В конце концов, напрягли местный райотдел, чтобы они нашли свидетелей – вдруг кто видел машину тех двоих? Сегодня, ближе к вечеру, думаем опять съездить туда. К вечеру головешки остынут, надо будет вместе с пожарными порыскать по пепелищу – вдруг что удастся обнаружить? А ты говоришь – воз и ныне там...

– Есть еще одно соображение. – Гуров достал сигарету из пачки, лежащей на столе Петра. – Надеюсь, ты не осерчаешь, что я подрываю твои табачные закрома? – хитро улыбнулся он. – Так вот, после визита на пожарище мы с громкой помпой как бы уезжаем назад.

– Почему это «как бы»? – встревожился Станислав.

– Потому, что мы остаемся там, – торжественно объявил Лев. – Но нам потребуется хорошая, усиленная опергруппа – человек десять, не меньше. Как я понял, сегодняшней ночью возможен поджог жилых домов на улице Блюхера. И мы должны взять поджигателей с поличным.

– Людей я найду. – Петр несколько оживился. – Вот это уже что-то существенное. Вот это я одобряю! Давайте, мужики, явите оперскую хватку, покажите этим скотам кузькину мать...

Когда приятели вышли из кабинета, Станислав укоризненно пробурчал:

– И когда тебе пришла в голову эта «счастливая» мысль?

– Ты насчет ночной засады? – Лев сочувственно рассмеялся. – Понимаю, понимаю – Катя будет обречена в тиши квартиры обнимать холодную подушку. Так ведь и я сегодня оставляю в одиночестве свою «половину». Разница-то какая?

– Какая... Обыкновенная! От тебя Мария куда сбежит? То-то же. А у меня Катю уже сейчас норовят отбить! Нет, ты понимаешь, как получается: стоит мне кого-нибудь закадрить – тут же выстраивается очередь жаждущих оттеснить меня в сторону! Охренеть! Представляешь, из тех, с кем я встречался раньше, три давно уже замужем, одна даже вышла куда-то в Австралию, к четырем вернулись мужья, еще у трех новые любовники, причем такие, на которых и взглянуть-то жалко. Вот и с Катей точно так же: года два-три до этого была совершенно одна – ни одна зараза и близко к ней не подходила. Теперь соискателей ее внимания еле успеваю как мух от меда отгонять. Вот жизнь!..

– Ну что ж тут поделаешь? – Лев похлопал его по плечу. – Мужайся! Это значит, что такова твоя планида – находить и терять женщин. Кстати, в чем-то тебе можно даже позавидовать. Многие ли могут похвастать тем, что они как прожектора высвечивают женщин, достой-

ных мужского внимания, но им несправедливо обделенных? Так что неси свой «крест» со смирением, достоинством и осознанием своей самости. Разве это плохо?

– А, ну тебя! Однолюбам меня не понять! – Стас демонстративно сунул руки в карманы и, сопровождаемый удивленным взглядом судмедэксперта Дроздова, насвистывая «сердце кра-савицы», запрыгал на одной ножке к своему кабинету.

Ближе к вечеру опера опять стояли у обгорелых руин интерната. Его закопченные кирпичные стены выглядели руинами крепости, пережившей нашествие кочевников. Из-за стен кое– где по-прежнему поднимались струйки дыма. С громким хрустом ломая сапогами обгорелые обломки шифера, внутри здания ходили эксперты, выясняющие причины возгорания. Судя по их репликам, очаг, откуда пожар распространился по всему зданию, возник в подвале. Выделенные местной администрацией подсобные рабочие разгребли завалы из мусора у входа в подвал, и эксперты попытались спуститься вниз. Но там было чуть не по пояс воды, набравшейся из прорвавшихся водопроводных труб, и той, что использовалась пожарными для тушения.

Подойдя к экспертам, опера поинтересовались их предварительными выводами.

– Можно сказать вполне уверенно, что возгорание произошло в подвале, – сообщил рослый, широкоплечий крепыш. – Конкретная причина пока непонятна – в подвал зайти удастся только завтра-послезавтра. Попробуем организовать откачку. Но впечатление такое, что там горело очень здорово. Если считать, образно говоря, в «напалмовом» эквиваленте, то там хранилось не менее канистры чего-то углеводородного.

– Тогда нужно обязательно повидаться с директором и теми, кто имел доступ в подвал... – Гуров заглянул в дверной проем, за которым в глубине тускло отблескивала угольно-черная поверхность воды.

– С директором можете повидаться сейчас, – эксперт указал на «десятку» с тонированными стеклами, стоящую неподалеку. – Это его машина.

Подойдя к «десятке», Гуров выразительно и требовательно поманил к себе рукой. Дверца машины щелкнула, и из нее показался брюнет лет пятидесяти с седыми висками и объемным брюшком.

Лев достал удостоверение.

– Виктор Степанович Кононенко, – в свою очередь представился директор интерната. – У вас, я так понял, ко мне есть какие-то вопросы?

– Разумеется. Прежде всего мне хотелось бы знать, как охранялось здание интерната.

– Э-э-э... У нас на входе в вестибюле стоял охранник. В ночное время были еще и дежурные санитары.

– То есть контролировать прилегающую территорию охранник никак не мог... Понятно. Теперь меня интересует все, связанное с подвалом, – как был заперт, кто имел доступ, что там хранилось?

– Дверь, как видите по тому, что от нее осталось, была из толстых досок, обитых оцинкованным листовым железом, запиралась на большой навесной замок. Доступ туда имел я, наш завхоз, ну и... те, у кого была в том рабочая необходимость. Естественно, в присутствии завхоза. А хранились там кое-какие продуктовые запасы – бочки с соленьями, картошка и тому подобное. В одном из углов лежал штабель пиломатериалов – подвал был сухой, дерево не портилось. Что еще? Ну, железки кое-какие – арматура, уголок, листовое железо... А почему вас заинтересовал именно подвал, а не другие помещения?

– У вас там не хранилось ничего легковоспламеняющегося, наподобие канистр с бензином, баллонов с пропаном, ацетиленом, кислородных?

– Что вы! Боже упаси! – Кононенко отмахнулся и энергично помотал головой. – Ни в коем случае! Кстати, если мои слова у вас вызывают сомнение, пусть эксперты проверят подвал на наличие емкостей – их там не было даже пустых.

– Разумеется... – кивнул Гуров. – Что-то вы какой-то потерянный. Очень переживаете?

– Не знаю, как объяснить, – Кононенко беспомощно развел руками, – но я себя чувствую виновником гибели людей, потому что не смог их уберечь. Останки погибших уже собрали, сейчас их идентифицируют, а я вот приехал сюда и не знаю, почему не могу покинуть это место. Следователь прокуратуры в моих действиях состава преступления не нашел – я с ним сегодня уже встречался. Но что прокуратура, если внутри сидит свой прокурор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.